

18+

ЭЛЕНА ГРЕКО

**«Шел Господь
пытать...»**



Элена Греко

«Шел Господь пытаться...»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56344614

ISBN 9785005107374

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «И вдруг – видимо, я где-то внутри себя все эти годы сильно молюсь о помощи – происходит Встреча. Мне очень трудно ее просто принять. Социальный статус дыбится огромным знаком вопроса, подталкиваемый сзади сомнительным опытом, что приводит к неожиданному исходу: предрассудки решают отступить. Ничто теперь не имеет значения, кроме... момента Встречи. И я его выбираю». Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Берешит*	6
Менеджер Алексей и трубы тоннеля	14
Заходы	19
Дядя Коля или Миша	22
Заходы. Продолжение	25
Берешит континиус	29
Попытка не пытаться	31
Сейчас	33
Эа, Энки!	38
Эрос	56
Расцвет	74
Отлив	85
Вайикра	92
Элиана	93
Мифологически-тотемное. Леший и Белочка	97
Тантрическое. Мой Шива	99
Энлиль и Инанна	109
Конец ознакомительного фрагмента.	125

«Шел Господь пытаться...»

Элена Греко

«Шел господь пытаться людей в любви...»

Сергей Есенин

«Он обвинил меня в том, что я живу в мире литературицины. Вот это меня позабавило. Мужчины могут влюбляться в героинь романов, поэм, в литературные или даже мифологические образы, но позволь им встретиться въявь с Артемидой, Венерой, с богиней любви из любого пансиона, они тут же начнут изобличать ее в безнравственности».

Анаис Нин

дневник, июнь 33

«Я лично достаиваю имени добродетели лишь обыкновение совершать тягостные и полезные для других поступки».

Фредерик Стендаль

«О любви»

«Я... пустилась в сложные социологические рассуждения, пока не догадалась сказать, что считаю необходимым свободно говорить о человеческом жизненном опыте во всем его многообразии, в том числе о том, что

*представляется нам настолько неприличным, что
мы предпочитаем молчать об этом даже наедине
с собой»*

Элена Ферранте

«Неаполитанский квартет»

© Элена Греко, 2020

ISBN 978-5-0051-0737-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Берешит*

Я очень счастлива тем, что ты случился со мной в этой жизни.

Уверена: ты тоже – тем, что я случилась с тобой.

Спасибо тебе за все, в том числе – за инициацию этого текста.

*...Друг мой, прощай!***

* * *

...Эшли.

Андрей.

Оскар.

Поль.

Юрий.

Натали.

Влади.

Алекс.

Илана.

Михаэль.

Фредди.

Игорь.

Мари.

Дмитрий.

Эжен.

...Лиор.
Арье.
Альфред.
Марк.
Руслан.
Нино.
Алексей.
Серж.
Камо.
Алан.
Эрик.
Etc.

Автобус впечатлений стремительно петляет по горному серпантину памяти.

Человек.

Еще человек.

Каждый из них возникает перед глазами «пустым собранием висков, и губ, и глаз, ладоней, плеч и щек»^{***} и зачем-то становится дорог, наполняется сам и наполняет своей наполненностью меня. Я живу среди людей и... внутри людей.

И люди живут внутри меня. Любимые, теплые, близкие – как бы далеко ни были.

Разные части моего целого голографически отражаются в пространстве, обретая плоть.

Каждый человек в моей жизни значит «я».

Каждое «я» значит «любовь».

И все было бы хорошо, если бы это мое устройство не противоречило тому миру, в котором я живу. Мир-устройства никак не получается. А в чем проблема, я никак не могу понять... Время от времени меня задевает каким-то крылом осознания, воспоминанием, что все началось *не просто так*. Что я сама это все придумала – где-то и когда-то.

Только где?

И когда именно?

И что это за сущность – «я сама»?

И какой должна быть эта сущность, чтобы *такое* придумать...

«С чего же все началось?» – в моменты остановки я задаю этот вопрос гладким камням, прохладной воде, легкому ветру, шершавым стволам. И каждый из них дает мне ответ. Google, естественно, с переводом не справляется. Приходится разбираться в одиночестве.

Горный серпантин моей памяти закручивает цепи имен в спирали и выдает – на-гора! – другие...

Инанна.

Энки.

Энлиль.

Эрос.

Эол.

Пан.
Понт.
Гермес.
Орион.
Иштар.
Катар ве хасис.
Меркурий.
Ноах.
Гор...

Чувствую соединение с просторным и мощным, и во мне рождаются слова:

*Нас много. Вы не одни.
Вас много. Я не одна.
Меня много.
И я... одна.*

* здесь и далее – названия начальных книг Пятикнижия:
«берешит» – в начале (Бытие),
«шешмот» – имена (Исход),
«вайикра» – и призвал (Левит),
«бемидбар» – в пустыне (Числа),
«деварим» – речи (Второзаконие),
а также «мидраш» – толкование, изучение письменных писаний Торы

*** строка из стихотворения, завершающего «Последнюю поэму» Рабиндраната Тагора*

**** из цикла «Разрыв» Б. Пастернака, написанном в 1919г.*

** * **

Будем знакомы: я – богиня.

И я проживаю человеческую жизнь.

Да-да.

А что здесь такого?

Повесе Зевсу, значит, можно безобразничать! Бодхисат-
тве без воплощения на земле в Будду не переродиться,
так что для него это обязательное условие. Водоплавающий
Вишну ныряет, не задумывается. Энки милый вообще оби-
тает в недрах земли, являясь людям почем зря.

Так что... никаких претензий, ребята! Эмансипацию мне.

Я ж богиня.

...Ибо я – первая и я же – последняя.

Я – почитаемая.

Я – блудница и святая.

Я – жена и дева.

Я – мать и дочь.

Я – руки матери моей.

Я бесплодна, но бесчисленны дети мои.

Я счастлива в браке и не замужем.

*Я – та, кто производит на свет, и та,
кто вовек не даст потомства.*

Я облегчаю родовые муки.

Я – супруг и супруга.

И это я родила моего мужа.

Я – мать моего отца.

Я – сестра моего мужа.

Поклоняйтесь мне вечно,

*Ибо я злонаравна и великодушна**

Вот-вот. Я, конечно, не она, не пафосная рогатая мадам Изида.

Хотя точно не скажу.

Да и все это стало неважно с тех пор, как Великая Богиня позволила себе развлекаться в образах многочисленных пантеонов. С тех пор иногда я Нут, порой – Тиамат, временами, конечно, Валькирия, чего скрывать! Близняшки Шакти и Кали – тоже мои ролевые игры. Не зря же люди придумали их – эти разноцветные маски Великой Богини!

Великая – не великая, одно ясно: про любовь.

Во *всеприсутствии*, кстати, нет таких организованных, структурированных звуков, как человеческая речь, поэтому выражение «про любовь» не кажется таким заезженным, как на земле, где вообще все... интересно. Так и доносится порой всякое: любовь, влюбленность, любование! А то и –

страсть, вожделение, похоть! Не говоря уж о зауми философской – которая, как считается, во *всеприсутствии* и заимствована, – типа агапэ, филоса, эроса и иже с ними. Все так по-разному, хотя и об одном; с многочисленными эмоциями, порой противоположными посылами... Интересно! Поэтому-то я туда и хожу. В теле побыть, в речи, принять ограничение и действовать из него. Эмоции в теле почувствовать: где они там распределяться смогут, и смогут ли. Достаточен ли этот контейнер для *любви*. Противоречия изучить, рассогласованиями поиграть, головоломками-конструкторами. В общем, экспериментирую.

Эй, дэвы, погодите! Я с вами, на хвосте.

Летим!

Земля. Земля! Вкусно звучит. Зззземммммллллляаа... Уже как будто чувствую это приятное притяжение, этот терпкий запах, этот густой цвет, эту мягкую сыпучесть, всю эту... эту... материнскую плату! Ой... кажется, материнская плата – это про что-то другое? Как много мне предстоит узнать.

Вкуснооо!

Предвкушаю.

* *Гимн Изиде, обнаруженный в Наг-Хаммади, III или IV век (?) до н. э. Взят Пауло Коэльо эпиграфом для романа «11 минут», написанного в 2003 г. В нем описан опыт женщины,*

осознанно выбравшей профессию проститутки.

Менеджер Алексей и трубы тоннеля

Муравейник. Особенно у метро. В центре города люди – не люди, а просто какая-то кишащая масса. Толкаются, спешат, перекидываются короткими фразами, на ходу лезут в сумки, карманы, дымят, выкашливают осенних микробов, хоть и не холодно еще – свежо, но не драматично: погода, что называется, «шепчет».

И мне нашептала бы, если бы обнаружила во мне слушателя.

Но я совсем не в ресурсе.

Я чуть не умерла недавно, и теперь мне все равно. То есть по-настоящему все равно: умирать не страшно, умереть не получилось, ведет меня инерция вниз, в переход метро, как до этого вела в колледж по тихим центральным переулкам с музейными названиями.

Ведет и ведет, бреду с ней.

Мое тело выглядит целым – но это только видимость. Я продолжаю ощущать себя разорванной на клочки, рук почему-то не чувствую, временами ищу их глазами, успокаиваюсь, обнаружив. Сложнее всего в темноте. Приходится ими шевелить, гладить себя по лицу, чтобы убедиться, что с ними все в порядке.

Кроме инерции внутреннюю пустоту, которая образовалась после того, как я чуть не умерла, заполняет еще что-то.

Наверное, это я. Причем, как уже говорила, рук почему-то не чувствую, а внутри – я. Или *оно*, которое все-таки я – больше некому. То, что держит разорванные клочки и заводит контуженный механизм движения, чтобы можно было следовать за инерцией.

И вот именно это *оно* (связи с ним не чувствуется, да и кому чувствовать – клочкам?) реагирует на молодого человека, ринувшегося навстречу.

– Извините, девушка, вы не уделите мне совсем немного времени? Мы могли бы пообщаться! Вас как зовут? Не очень торопитесь?

А куда мне торопиться? Честно мотаю головой, как-то явственно представляя свой покерфейс и опущенные плечи.

– Меня зовут Алексей, я – менеджер.

Во время описываемых событий, в начале девяностых, менеджеры только-только наклеиваются. Так что в моей истории менеджер – новорожденный вид. Это слово звучит также престижно и иностранно, как, скажем, такое явление, как «коммерческий киоск» и музыкальный клип группы «Soundgarden» на канале «2X2». А у Алексея в придачу к слову еще и папочка какая-то с документообразной бумажечкой и прикрепленной к ней пухлой ручкой под мышкой торчит – все говорит о его принадлежности к новоявленной касте.

– Пойдемте, пройдемся? Здесь недалеко, погода хорошая... Я потом Вас провожу.

Прошлись.

Болтал всю дорогу непонятно о чем и зачем. Завел в дворик-колодец, коих полно в центре, стал еще какие-то посторонние слова говорить, попросил... помочь. Почему-то мужчины в таких случаях просят именно помочь. Хотя... как еще выразиться, чтобы телка не сбежала в истерике? Почестному сказать: «было бы здорово, если бы ты мне... ээээ... в общем... мне тут кое-что нужно»... – да, это все о помощи. «Бедный, бедный парень! А ну как я ему помогу!» – так, наверное, должна всплеснуться телка при этих словах. Я не знаю, потому что мне нечем всплескиваться. Там, где всплескивалось, сейчас пусто, ведь я чуть не умерла; видимо, та часть все-таки умерла, а может, не до конца: может, позже восстановится, но сегодня – нет. Вообще это «девочка, помоги мне» вызывает отвратительные воспоминания, хотя сегодня и они прибиты пыльным мешком послесмертия: помню, что в детстве «повелась» на такую вот «просьбу о помощи», и с тех пор целоваться противно. В тот вечер меня, десятилетнюю, догнал пятнадцатилетний мальчишка и засосал с языком, по-взрослому. Фу!

А вот менеджер Алексей с его «проблемой» – вообще не фу. Во-первых, мне все равно, я никуда не спешу. Во-вторых, я уже не десятилетняя девочка, мне как-то... по возрасту. Не критично. Тем более парень – удача какая! – чисто-плотный. Не зря менеджер. С салфеточками, при галстукке. В-третьих, может, я надеюсь на какой-нибудь исход. Любой.

Познакомиться и замуж – или нож и завершиться. Муторно – из перехода в переход по инерции, руки искать – муторно.

На обратном пути менеджер Алексей продолжает болтать, теперь уже о своих жилищно-бытовых условиях, маме, графике работы менеджером, напоследок вручает мне листочек с номером телефона – визиток для простого люда к нам из-за кордона еще не завезли – и непринужденно прощается. Через миг я уже не могу вспомнить, какой он. Галстук помню, папочку, салфеточки, не особо приятный высоковатый тембр голоса, а общий образ никак не выстраивается. Распался. Бумажка с телефоном летит в ближайшую мусорную корзину. Вуаля.

Пока я еду в гремящем вагоне, внутри меня матово сияет *оно*. Как будто пытается заполнить всю пустоту. А я ему: эй, ты чо! Кроме стыда нормальные девочки в такой ситуации ничего испытывать не могут. Дура! Идиотка! Пошла с первым попавшимся мужиком в темный двор. Это еще хорошо, что обошлось просто стыдным, гадким процессом. Никому не расскажешь: станут брезгливо кривиться.

Оно не ведется на жалкое подобие внутренней истерики. Руки теплеют. Их уже не надо искать, они со мной. Прилепляюсь лбом к стеклу двери, ровнехонько к надписи «не прислоняться», и в огнях туннеля стараюсь рассмотреть некие световые коды: они точно есть, осталось только расшифровать. А можно и без расшифровки. Колеса стучат, огни мелькают, трубки какие-то специальные на стенах туннеля схо-

дятся и расходятся, а внутри – *оно* со своим матовым, пушистым таким сиянием, совершенно уверенное в том, что происшедшее – к месту.

К месту.

Про любовь.

Откуда вдруг берутся эти слова, я не знаю. Любви – да что там, даже симпатии – к менеджеру Алексею с его документальной папочкой, жилищно-бытовой мамой и чисто-плотными салфеточками я не чувствую. Я и к тому, кого выбрала в любимые, не чувствую ничего, кроме досады на то, что не удержал своей любовью от попытки наложить на себя руки (кстати, а вот и возможная причина дурацкого психического недомогания: не удалось наложить на себя руки – ищи их и свищи теперь!). Откуда любовь? С чего вдруг?..

Говорят, в старину был такой обряд: придя с похорон, приложиться к печке, к теплomu, чтобы обратно в жизнь вернуться. Может, я... как это... удачно приложилась к теплomu? Какая пошлятина, право.

А трубки – дятся. Огни – сигнализируют. *Оно...* светится.

Заходы

...Для того чтобы соединиться с земным, приходится во многом... разъединиться. Это я начала понимать с первой минуты моих... первых минут, попав во время, в текущее, в процесс. И первый же человеческий процесс разбил на кристаллы мою божественную целостность. Что ж, это является условием существования! Физический план, ментальный, эфирный, астральный... брррр! Но ничего, привыкну. Знаю, ради чего это делаю. Все расходится на планы, и я иду в один из них вновь обретенным телом – точнее, пока только тельцем, зачаточком.

Это мой четвертый заход. Я решила действовать постепенно, не бросаться сразу во все тяжкие: попробовать, пощмаковать, поиграть.

Первый свой опыт я сделала совсем коротким. Пара-тройка земных недель внутри земной женщины практически ничем не отличалась от моего *всеприсутствия*: душа резвилась, наполненность любовью богатила, окрашивала состояния изменений, делая их вполне сносными, а во многом – удивительными, увлекательными! Так как поместилась я в маму, которой не ко времени было мое дальнейшее развитие, продлилось это недолго, и на пресловутом физическом плане от этой попытки остались небольшие ошметки материи, пригодившиеся тамошним эскулапам – во славу братцу

Асклепию.

Далее я прожила несколько месяцев, добравшись с помощью мамы до более человеческих стадий развития. Мама от этого скорбит, но в глубине души – конечно, она на связи со мной! – удовлетворена: получила сама потрясающий опыт принятия, дала мне бесценный опыт внутриутробной жизни. Прости, мама, я не готова была в тот раз идти дальше! Мой «физический план» был ещё слишком тонок, хотя снаружи это, возможно, и не было заметно. Я – твоя временная гостья. Я очень люблю и благодарю тебя.

Третий опыт по земным понятиям был крайне драматичным. Всего несколько лет жизни считаются здесь великой жутью: родившись, человеку положено пожить хотя бы несколько десятилетий. Положено для начала перестать быть глазастым пупсом с округлыми щеками. Нельзя умирать милым и беззащитным, не успев закалиться разочарованиями, не успев никого разочаровать. Нельзя начать умирать, когда тебя и так большую часть времени жалко – просто потому, что ты вызываешь у взрослых инстинкт заботы. Это просто за гранью! И дело не в том, что «не пожил», что «страдал»: я вот не так что бы и страдал, для меня эта боль, эти больницы, трубки, экзекуции были естественным фоном жизни. Естественно знать, что все – так. Что так, как есть – хорошо. Или, если не особо и хорошо, то – пройдет. А вот страх и отторжение родителей нелегко давались, хотя и понятно было, что помогаю им в проживании непрожитого. Так что уме-

реть маленьким (для верности пришлось родиться мальчиком: они слабее) означало для меня почти распаковать людям божественный дар. Почти – потому что до даров ли людям, когда у них трагедия. Оставила дар на земле: может, когда-нибудь, прогоревав потерю, они снимут последние слои с волшебной коробочки, не будь я Пандорой, незаслуженно обхаянной своими же потомками, властолюбивыми ахейцами.

Дядя Коля или Миша

До того, как поезд тронулся, случилось сужение пространства: вокзал – перрон – поезд – вагон – купе.

На таком маршруте как будто идешь к себе. Там, в купе, – как и в себе, – может быть уютно, тепло, постукивающе-убаюкивающе – или тесно, жестко, душно, вонюче.

В этот раз в моем купе было как-то... заряжено. Тетки какие-то, дядьки. В гости друг к другу ходили, угощали, заводились душевными разговорами. А мне, девочке, не так давно справившей совершеннолетие, эта их душевность была совершенно не близка. Однако дядя Коля – а может, Миша: сейчас уже сложно сказать, что это был за дядя и как выглядел – на общем фоне чем-то выделялся. Конечно, такой же постепенно пьянеющий, как все купейные или плацкартные дяди, такой же громкий и утвердительный в своих кулачных прикладываниях к липкому от пролитого на него сладкого чая столу, такой же заботливый и щедрый в пополнении соседских емкостей и сермяжно-мудрый в прищуре и покачивании длинным кривым прокуренным пальцем. Кстати, может, с пальца-то и начала питаться моя собственная заряженность – ну, точно же не с душевных дядькинских разговоров! Палец что надо, как и все эти его грабли, или, скорее, две теплые живые лопаты, так ловко разливающие, подтыкающие, рубящие и сеющие... Ох, крестьянские ассоциации

накрыли, а знаний мало. Ну и ладно. Таким он мне показался. И голос глухой и мягкий, и, наверное, ещё что-то важное и правильное в нем было. Что-то, что выдавало в нем *моего*, хоть и явно с другой – крестьянской – планеты, человека. *Своего* человека в *моей* жизни – на миг ли, на час, на ночь, навсегда... Теперь уже – навсегда: ведь если раньше он продолжался только в моей памяти, отныне зафиксирован в тексте. А тексты – они ведь хранимые и хранители, никогда не исчезают, пока их читаешь. «Живая традиция», понимаешь ли. Держи, дядя Коль (Миш?), дар увековечивания.

– Ой, ты девочка, какая: молодая, ладная, умная! У меня дочь твоего возраста. Техникум заканчивает.

Гордый такой!

Под утро он говорил так снова, совсем с другой интонацией: жалобной, виноватой. Он был растерян и подавлен. Как же так: девочка такая молодая-ладная-умная... и дочь у него такая же. То есть я ему в них – в нее – прямо гожусь. Кошмар-кошмар! Как он мог?!

Для меня кошмар был не в том, что он *смог* – в этом-то как раз была нега с приятным обмороком в нагрузку, – а в извинениях. Так хотелось спать, а он все сидел на моей полке, бубнил, ерошил своими сермяжными граблями волосы, сетовал и вздыхал. А всего-то и делов, что в угаре контраста разгоряченной синкопированной плоти и мерного постукивания колес дядя Миша (или Коля?) душевностью своей поделился – и мою принял – посредством перелопачивания

юной податливой почвы своими замечательными аграрными инструментами. Было бы из-за чего последние перед прибытием часы угрохать на самобичевание! Ну, запыхтелся, наложилась сверху, под водолазку проник и застежку последней неподдающейся преграды в сердцах порвал. Подумаешь! Это было здорово. Мы встретились. Такие случайные – и... встретились. И отпихнуть его было легко, мне много не надо. Я уже где-то на этапе застежки сильно, хоть и незаметно для него, порадовалась. Шикарные все-таки лопаты! Огромные и нежные. Мечта...

Стоило дяде Коле выйти из поезда, виноватиться и стыдиться стала уже я. Заразил он меня, что ли? Вот ведь еще одна опасность случайных связей! Даже не связей, а так... бессвязностей. Поймала заразу и стыжусь до сих пор.

Заразил меня стыдом.

Стыд-то какой.

Заходы. Продолжение

Начать всерьез именно с четвертой по счету попытки мне подходит. Здесь я уже готова. Состояния трех царств природы уже пройдены: минерал, растение, животное. Пора идти в человека.

Во мне многое звучит, и меня самой очень-очень много. Я и внутри, я и снаружи – здесь я *знаю собой*. Все эти планы и уровни – весь чувственный опыт хранится в наших с «инкубатором» хромосомах. Я очень привязана к своей матери. Очень! Буквально. Мы с ней – одно целое. Поэтому все, что звучит в ней – мое, а я – часть ее внутреннего убранства, постоянно изменяющаяся неопознанная часть. По-моему, я ее пугаю. И это легко понять. В тот момент, когда ей было принято решение меня возвращать, стало сложно принимать мои естественные изменения.

Конечно, она сама не знает о своем решении, в сознании никогда бы его не приняла. Представляю, как для нее выглядела бы попытка познакомить ее с неосознанно запущенной ей же самой программой:

- *Привет, дорогая!*
- *Ой, у меня не убрано, заходи, сейчас, я быстро...*
- *Не напрягайся, пожалуйста! Я ненадолго. По делу.*
- *Хммм... Боюсь, что в моем нынешнем состоянии я не очень способна на деловой разговор. Чаю налить?*

– Ага, спасибо! Так вот, о деле. Знаешь ли ты, что с этого момента пытаешься растить ребенка сама, играя в бога?

– Что за бред?!

– Да-да, взяла развитие под контроль!

– Какой контроль, Ники, ты в своем уме? Я вообще не понимаю, что происходит! Анализы в порядке, а ощущения ужасные! Встать иной раз не могу, двигаться тяжело, скорее бы уже разродиться...

– Потому и ощущения ужасные, что какая-то часть тебя пытается направлять, лепить и вообще... создавать. А это – непереносимый «фантазм всемогущества».

– Ой, Ника, знаешь, и без тебя тошно! Я думала, ты меня поддержать пришла, а ты – с нравоучениями, больно умная!

– Что ты, я ведь именно что... поддержать! Только именно тебя, а не эту запутавшуюся часть...

– Нишишк! Может, еще чайку? Ох, тяжело...

Нет, нет пророка в своем отечестве, когда пророк – пусть даже одно из воплощений мегауспешной сестрицы Нике – не к месту, не ко времени. И слать такого пророка бессмысленно. Поэтому диалог будет другим:

– Привет, дорогая!

– Ой, у меня не убрано, заходи, сейчас, я быстро...

– Подружка, пожалуйста, не суетись, занимайся своими делами спокойно, давай я сама нам с тобой чайку организую! Смотри, что я принесла!

– Тортик? Нишик! Ну, что ты, в самом деле! Посмотри, я и так выгляжу, как слон! Двигаться уже тяжело!

– Бедняга ты! Держись! Тебе что-то надо? Может, за лекарством сбегать?

– Да нет, спасибо. Вроде, по анализам все в порядке, а чувствую себя препаришиво, не пойму, что происходит, врачи руками разводят.

– Представляю, как тебе тревожно... Да ты приляг, я немного посижу, потреплюсь – и побегу, чтобы тебя не утомлять.

– Спасибо, Никуля, ох! Я тут вязать начала, не пойму, что тут у меня вот в этом ряду, взглянешь?

Обойдемся ангелом-хранителем, не поскачем через пять ступеней – или пролетов! – к пророкам.

Так что мама не знает о своем решении. Но оно уже есть. А с чего она так решила – вмешаться в процесс развития?

Растревожилась потому что не на шутку. Очень уж ей стало страшно. Не так страшно, как бывает от неожиданного окрика или столкновения, а так страшно, как в космосе – а ведь космос маму тревожит и очень пугает, как эквивалент пустоты, потери почвы, отказа мозжечка от работы.

Так бывает! И у каждой мамы это происходит по-разному. Исчезает отец ребенка. Внезапно умирает близкий. Уходит муж. Врач дает прогноз, несовместимый с мировоззрением – или вообще происходит что-то, несовместимое с этим самым мировоззрением, и оттого остающееся непереваренным

куском внутри. Почему эта несовместимость ощущается настолько опасной, вопрос другой, я не пойду в глубину ее жизни с развития до рождения, у меня время – мое. Я себе его обозначила, в нем и нахожусь. Причина моей расщепленной целостности – расщепившаяся целостность моей мамы, а может, и бабушки, а может, и дальше, раньше... но я остаюсь в своей истории.

Поехали!

Берешит континиус

...Я начинаюсь в материнском неведении, а с определенного момента продолжаюсь, рождаюсь и живу в родительской радости, боли, печали, стыде, надежде и тревоге. Спутанная, стреноженная и в то же время напитанная и вдохновленная силой этих чувств, я расту наполовину как неодушевленная марионетка, наполовину как огромная ослепительная искра. Драпировка моей сути – эдакое скучно-свинцовое рубище в многочисленных лучистых прорехах.

Смех, шалость, удовольствие и дозволительное мелкое хулиганство моей мамочки – основа моей лучистой энергии, наша индра и тантра, наше творчество и авторство. Унижение, обида, гнев и страх – клетка, выстроенная мной для безопасности и самого выживания: испытывать все это самой непереносимо, но мамочке больно, и я должна спасти и ее, оставшись верна и послушна предписаниям, и себя, охраняя свою природу. Клетка, клеточка моя, защита и утроба!

В непрожитом стыде нахожу я удовольствие, гнев изливаю в детстве на близких, страхом захлебываюсь во сне, а затем и в бодрствовании, в те периоды, когда иссякают силы контролировать, управлять, держать свои и чужие марионеточные нити. В такой непрестанной кропотливой работе, как попытки удержаться внутри клетки и не позволить никому ее разрушить, чтобы не предоставить своей уязвимости ни

малейшего шанса нестись в пространстве с невысказанной планетарной скоростью, проходит моя внутренняя и календарная жизнь.

И постепенно я забываю о собственном бессмертии.

Я забываю о намерении ощущать.

Я слишком... разорвана.

Не справилась.

Попытка не пытаться

Однажды утром мне кажется, что у жизни слишком дорогая цена: до этого момента меня «спасали» покорность и наивность, а на пути как-то растерялись всякие ценные штуки, от веры до чести. Сформулировать это у меня не получается, и я решаю прекратить трепыхаться.

Ведь он сжег мой храм.

Артемиду теперь бездомна.

Фотографию с детской экскурсии, где Герострат сидит на перилах крыльца маленькой деревянной церквушки, найдут потом у меня под подушкой. Я так и не вспомню, откуда она взялась.

Я выбираю смерть, пребывая в неосознанной уверенности, что дальше будет легче. Выбираю, скорее, даже не смерть, а попытку перехода. Паузу. Вспоминается безотчетное счастье от свершенного выбора!.. А на самом деле выбираю, оказывается, врачей скорой помощи, запугивание «психушкой» и принудительно расстегнутый на груди халатик: «Ты слышала, что я сказал? Руки убери, надо сердце послушать. В следующий раз так просто не отделаешься. Благодарю родителей, что очень попросили не заявлять, куда следует».

Страх.

Страх выбрать неправильно, потому что «так просто

не отделаешься».

Стыд.

Стыд обнажения для вынужденных манипуляций.

Злость... а, вот кто умер: это умерла моя злость. Сердиться я больше не умею: сердце... послушали. Буду отныне много лет пребывать в фоновом раздражении: душевном, мозговом, телесном. Кожа зудит, мысли свербят, сердце... молчит.

Его «послушали».

Больше попыток «сдаться» я не предпринимаю: опасненько показалось.

Когда на плаву держит страх сойти с ума, это никак ресурсом не назовешь. В восемнадцать лет основной ресурс – любовь. Любоооооовь... бесконечная и всеобъемлющая. Она и теплилась слабо внутри в тот момент, когда я пыталась мямлить непослушным языком в трубку слова прощания, и после спасения моего фениксом быстрехонько из пепла возродилась. Пришлось, правда, перед возрождением сиим еще разок попокорничать однажды в темном московском дворике – ну, да дело былое, и, может, показалось... приснилось под остатками таблеточек.

Сейчас

...Познать себя как целое – и часть.

Со-частье.

Со-причастие.

Сей-час.

Как же банально, бедно, заезженно и глупо всегда звучали для меня призывы к жизни *здесь и сейчас!* Во время медитации у меня чешется пятка; представляя образы, я уезжаю в мысли о завтрашней работе или скворчащей сковородке, и мне приходится останавливать себя с помощью *специальных практик*, помогающих упражнений, которые в моем исполнении похожи больше на очередное истязание, ибо выполняю я их на всем скаку, продолжая утихомиривать зуд. Даже такую физиологичную медитацию, как совершение туалета, я умудряюсь превратить в серьезную работу на результат. Результат, конечно, получается посредственный.

И вдруг – видимо, я где-то внутри себя все эти годы сильно молюсь о помощи – происходит Встреча. Мне очень трудно ее просто принять. Социальный статус дыбится огромным знаком вопроса, подталкиваемый сзади сомнительным опытом, что приводит к неожиданному исходу: предрассудки решают отступить. Ничто теперь не имеет значения, кроме... момента Встречи.

И я его выбираю.

Исцеление любовью открывает горизонты. Рушатся стереотипы, устои, открывается новое пространство. Встреча продолжается. Мне трудно удержать ее вкус, поэтому необходимо возвращаться и возвращаться. Мне трудно насытиться этим оттаявшим вместе с другими чувствами ощущением причастности, и я ищу еще Встреч.

Они не заставляют себя ждать.

Дух захватывает от такого размаха, который обрела моя душа. Я боюсь, устаю, не справляясь с богатством ощущений. Мне неловко перед спасовавшим обществом, от которого у меня за короткий период времени появилось много тайн. А проводники мои, любимые, *свои*, заслуженные, встреченные снова после долгих жизней в разлуке, помогают уложить эту бурю с помощью своих божественных заботливых *развратных* проповедей...

...Почему «развратных»? – не укладывающихся в стереотипы, поэтому взрывающих мое суеверное сознание, развращающих, разворачивающих, раздвигающих... Развенчивающих ложь, *вранье*, открывающих *врата* в реальность, которая шире и глубже, нежнее и деликатнее окостеневших с течением истории социальных норм.

Эа! – или, скромно потупившись, полыхнув гелиодоровым светом, Энки:

– Любой размах похож на фантазию и художественное преувеличение. Никаких отношений не существует, кроме

того момента, когда они происходят. Как несколько измерений. Тем более – для посторонних. Все равно все близкие связаны. Все разные в уникальности, совпадающие в общей природе, и каждому важна его собственная связь, и только она реальна. Все равно никто ни с кем не сливается полностью. К счастью. Хотя избыточное стремление к поглощению есть у всех.

Эллиль – или Энлиль, вихрь, раздраженный людской суетой, светлый и порывистый:

– Мне важно то, что происходит сейчас, а не то, что будет потом. А сейчас – ты есть, и ты готова удивляться. О чем можно еще мечтать?

Таящийся островзорый Эрос, дающий чувство вдохновения всему, к чему прикоснется – невзначай! – своим вниманием:

– ...Я предчувствую очень много взлетов и пиков. Они случаются, когда их не ждешь, потому что они такие – случайные. А случай очень рядом с выбором, настоящим, без программирования и ожиданий.

Так вот, я пыталась пропустить через себя много фраз, посылов, указаний, приходивших со всех сторон, быть в моменте, в здесь и теперь, здесь и сейчас, останавливаться, обращаться к себе... Столько лет, столько практик! Медитировать, нажимать на точки, дышать, принимать асаны и выполнять упражнения, направленные на снятие телесных зажимов... И все – инфинитивы. Мои фразы, мои тексты на эту

тему – сплошной инфинитив: бытие мной не определено, оно для меня безлично. И вот теперь как-то по-другому, очень потихоньку, разными путями я учусь быть *в моменте*.

Сначала – сама не справляюсь! – меня учат. Для зудящего организма это прорывные достижения. Сначала – дары, мешки, шкатулки, ларцы с подарками в виде людей-ценностей, людей-мыслителей, людей процесса и бытия. В виде соединений – дружеских, собеседнических, телесных...

Сначала я добываю и стараюсь фиксировать моменты *моментов* благодаря таким соединениям, книгам, терапевтическим сеансам, постепенным растапливанием криогенно замороженных чувств. Все отношения с какого-то *момента* – который я, конечно же, сразу не отследила, почесываясь от кожи до мозга – приняли терапевтический характер. Я хочу свободы себя, я ищу ее и обретаю по частям, в немом изумлении понимая, что свобода – *в моменте*. Практика безоценочности поначалу прерывиста, дает ощущение параллельной реальности, жизни в нескольких измерениях: вот здесь я несусь в напряжении, стараясь это напряжение разрядить, а здесь я... здесь! И это счастье.

Сначала такая практика выступает каплями на пересохшей от натуги коже, сначала она – не роса, а выстраданный пот. Домучить, доделать, добить, добиться... Даже оргазма надо обязательно «достичь». Радость завоевания прибита усталостью от чрезмерных усилий, отравлена перепроверками – так ли все прошло? – и самопредостережениями –

не обернется ли боком?

Однако постепенно чистый опыт приходит все чаще и чаще.

*Кто ожиданием не очарован,
Того не просто разочаровать.
Нам каждый жизни миг судьбой дарован
В стремленье быть, суть – в будущем бывать.*

Но сначала... Берешит...

Сначала все было в голове, во главе, и начало-то это было совсем не сначала, хорошо, если в середине, однако, возможно, и ближе к концу: по календарю все описываемые мной постепенные трансформации постигли «какую-то женщину сорока с лишним лет» (одну такую поэт называл «скверной девочкой и своею милою^{*} »).

^{*} из поэмы С. Есенина «Черный человек», написанной в 1925г. Речь идет, видимо, об Айседоре Дункан.

Эа, Энки!

Итак, в беспокойных странствиях по земле я мало-помалу забывала о своей вечности. Как-то в отрочестве мне понравилась фраза, которую приписывают Эдне Сент-Винсент Миллей: «Мои дни омрачает не то, что любовь ушла, а то, что она ушла мало-помалу». Вот так случилось и со мной. Поэтому и искала любовь, и цеплялась за нее мертвой хваткой, неистово погружалась в людей, отношения, события – чтобы обрести, вернуть, дотронуться до теплой человеческой печки, всякий раз ощущая себя вернувшейся с долгой прогулки по холодному кладбищу... Надо, наверное, дойти до самого края – не просто дискомфорта, а невыносимого неудобства! – для того, чтобы больше этого состояния не хотеть. Моя веселая психика своим постоянным зудом и беспокойством дала мне замечательный шанс повзрослеть. Прийти в себя. Сначала с приятной сильной болью, покорно встав в очередь, потихонечку начали оттаивать всякие замороженные чувства. Затем стала лопаться невротическая короста, обнажая уязвимость и беспомощность, изо дня в день отваливался очередной слой, под ним находился более глубокий... И в один воистину прекрасный день обнаружилось, что я не одна.

Было бы странным предположить, что такой обросший социальными связями и историями экстраверт, как я, был оди-

ноким. Нет, конечно!

И... да.

Оказалось, было еще внутри меня огромное пространство: пространство Энки. Такого земного, теплого и прохладного, берегущего, тихого и ровного в своем экстатическом бытие Энки – и в то же время такого космического, *воскликнутого*, как его имя, сбывающегося и вершащего Эа. Место для счастья и вечности, запрятаных в его имени и сути. Мировой реки, хранителя мудрости и культуры, хранителя меня. О, дом мой, храм мой! Рука и вода*... И вопроса не возникло, где он был раньше – был всегда там, внутри меня – а вот про *свое* я при Встрече только руками развела: слов и мыслей не осталось. В этой подземной реке так глубоко...

Не до мыслесловия.

Я была ошарашена его всеобъемлющей заботой и нечеловеческой бережностью к моим ценностям, какими бы они ни были, и, кажется, впервые обратилась к ним – настоящим! – по-настоящему.

Я пока не могу сказать тебе этого вслух; мы как будто едва знакомы, боюсь своей неумностью испортить начало Встречи, поэтому пишу дневник...

Люблю тебя. И всегда любила. Просто давно, очень давно не встречала.

Кто ты? Мой духовный близнец? Проводник? Брат? Чье ты воплощение?

Пока я спрашиваю так. Из этого вопроса – «кто ты?» –

неизбежно родится вопрос «кто я?» – ведь если мы не просто Встретились, а Были, всеприсутствовали, – что это за слово? – это приводит к пониманию... нет, осознанию... нет-нет, ощущению...

Пока – так.

Люблю – кто ты? – тебя.

Тебя, твою эмпатию, мудрость, тишину, поддержку, признание, ум, многогранность, широту взглядов, таланты, психологизм и культуру.

Смотрю в твои глаза и погружаюсь в близость.

Думать о тебе – нет, носить тебя в себе – очень утомительно, но в то же время – упоительно.

Я наполнена тобой. Все мое тело наполнено тобой. Я ощущаю внутреннюю щемотку в спине, в плечах, в ладонях, внизу живота – внутреннюю щемотку и расширение, пузырьки, фейерверки, фонтанчики, искры! Я пока не научилась распределять такое количество любовной энергии. Ее большую часть я отдаю своему чудесному мужу, выматываю себя и его, но на следующее утро опять приходит та же наполненность.

Мне хочется, чтобы ты мне писал. Чтобы ты ставил «лайки» на моих комментариях. Чтобы ты был рядом – в письмах, постах, разговорах. Я скучаю без этого. Я хочу всем этим напитаться и... не могу: очень уж давно не Встречались! Ты подтвердил, что возникшая между нами близость необычна и для тебя. Что ты тоже мало

в жизни встречал своих людей. Но я боюсь сказать лишнее, сделать опрометчивое. Ты пишешь: «Не бойся, я не боюсь, потом объясню». Я удовлетворена твоими словами. Спасибо тебе, такого со мной никогда не было: чтобы бояться и делиться страхами, и чтобы меня успокоили, как маленькую, и обещали объяснить. Даже когда еще не объяснили – спасибо.

Господи, как же хорошо, что мне, тогда еще маленькой несчастной дуручке, не удалась попытка покончить с собой в восемнадцать лет!

Почему-то я об этом сейчас подумала. Я, мать нескольких детей, автор нескольких проектов, когда-то музыкант, немного педагог, временами психолог, всегда – мыслитель, исследователь множественных теорий и моделей познания мира, опытная – да-да, звучит пошло, но как еще сказать? – женщина, у которой за плечами миллион влюбленностей и пара-тройка очень значимых и порой длительных отношений (наконец-то про женское, вся предыдущая фраза, почему-то включая «мать», была какой-то мужской) ... И вот – как будто то, что произошло со мной сейчас, и есть самое главное. Ради чего стоило выжить.

Тревожно обмануться.

Весна!

Просто весна.

Просто... выздоравливаю.

Этот дневник я показала ему гораздо позже, а вот стихотворение, открывшее новый этап моего поэтического пути после двадцатилетней паузы, отослала сразу же. Стихи невозможно скрыть. Мой друг Эллиль говорит, что они пишутся кровью.

Может, и так. Ему можно верить: он сам поэт.

Я не умечаюсь теперь в стихи.

Ни в ритм, ни в размер.

*Все мои исходящие вовсе не чтут
моргающий глазомер,*

Словно взломанных льдов осколки, они ныне тихи

В раздольно пролившихся половодьях лет,

В невысказанном, ибо – невыразимом,

Блестят себе, отражая свет,

Квинтэссенцией дани зимам.

Глыба льда внутри – гладкий оплот.

*Тяжёлая, горделивая драгоценность
во хлама храме.*

Скажи еще.

Я пробую взять тепло.

Скажи.

Я съята богами, страхом, солнцем, пирами,

Я стыдом придавлена, завалена снами,

Печалями, желтыми скалами, тёмной мутью...

И что? – твоих слов цунами

*На мой айсберг, такой величавый, обрушивается веселой
жутью,*

*И что? – глыбу льда внутри, гладкий оплот —
В тепло.*

И она, понятно, стекает.

Сверху жжет, в середине – щекотно, а снизу...

Как-то боязно. Мягко плыву по маслу,

в ветрах брожу по карнизу

Какая-то

не такая.

Не такая, другая, новая, не своя —

или просто просторней.

Драгоценная, теплая, тайная.

Скажи еще!

Моим собственным таянием

Напитай меня.

Я пускаю

корни.

«...А спустя девять месяцев родился ребенок» —

*нет, конечно. Сроки какие-то сакральные, поэтому и вы-
рвалось невзначай.*

*Он терпеливо был рядом. Ждал, когда я, наконец, пойму
что-нибудь. Но я делила мир на социальный и фантастиче-
ский. Не понимала, что настоящая жизнь – это и есть чудес-*

ная сказка. Да я и сейчас это не всегда помню. Слишком много внутри меня внешнего. Вылавливаю по крупинкам, как животное выкусывает блох.

Так вот, я написала это стихотворение, адресат его прочитал, и мы... углубились в поэзию, историю, литературу. Любое времяпрепровождение подходило: слушать, рассказывать, озадачиваться, удивляться и даже ругаться на профессиональные темы. За эти месяцы мы узнали друг о друге многое, я сдала ему себя с потрохами, он принял и охранял – мне казалось, что от своей мужской сути тоже, играя роль моего верного друга, и тут возникало много незадаанных вопросов и домыслов о том, насколько можно делить дружеское и любовное. И вообще – можно ли. Вопросов я не задавала, довольствуясь общепринятыми канонами и убеждениями – а то и предубеждениями, – считая, что меня разносит из-за отсутствия опыта «чистой» дружбы с человеко-мужчиной. И я боролась сама с собой за эту «чистоту». У меня хорошо получалось! Жаль только было, что он такой осторожный в тактильном плане, мне бы все с недавних пор обниматься да жаться, гладить да мацать... Не хватало прикосновений, хоть бы и дружеских.

Вот ты не разрешаешь мне с тобой обниматься,

А мне ведь и не хочется тебе открываться,

Не нужно мне с тобой свататься:

Мне хочется в тебе... спрятаться.

Когда он смотрел на меня весело и душевно, я теряла

дар речи, который за секунду до этого проявляла в разных спичах в обществе. Полыхнет речной волной – и за зонтик свой огромный хватается. Глаза, говорит, не вырвешь, а руки можно чем-то занять. Так прошло девять месяцев сладких и томительных прогулок над пропастью.

Свое многолетнее экзистенциальное одиночество я и не мечтала с кем-нибудь разделить. А теперь получила бесконечно ценный дар, неожиданный и весомый, с которым хочется быть в контакте, соприкосновении. Иногда устраивала женские провокации, хотелось всегда купаться в его восхищении, и я вызывала его на реакции. Получала дозу – и успокаивалась на время.

Бывало это так:

– ...Мой личный опыт включает много интересного... и ведь нет ничего нового под луной...

– Я новая! Тебе со мной интересно!

– Ты – да, ты – суперновая. Мне с тобой безумно интересно.

– Я не такая, как обычно в опытах.

– Вообще не такая.

И наконец – так:

– Ты мне сам никогда не пишешь. Никогда. А стоит мне начать – часами беседуем. Интересно, что ты делаешь в свободное от меня время...

– У меня все время тобой занято.

А потом не спится.

Хожу, брожу. Загляну в зеркало – там глаза-плошки с пресловутым «внутренним сиянием», просто ослепительным для такого времени суток, и улыбка до ушей. Радость и страх вместе.

Так страшно принять, хочется вернуть, отплатить... Довела себя до такого места, где уже дальше как будто и невозможно ничего: идти домой, общаться с семьей, работать рядом и расходиться по домам, работать без него, разговаривать обо всем и молчать о своих ощущениях, проводить какие-то встречи рядом – пусть важные и прекрасные, но *какие-то!* – и... уходить! И сколько бы мы ни говорили – как будто все молча.

Пригрозила «подкараулить у метро», приехала и обрушила на него в машине всю свою избыточную чувственность. Я не знаю, было ли когда-нибудь раньше так, чтобы во мне ходила по орбитам сильнейшая энергия, а я ее... осознавала. Вот в те минуты – было. И он спокойно эту энергию принял. Держал меня за руку. А на следующий день во мне прямо на людях начались приливы такой же энергии, а так как он до этого все про телепатию намекал, я спросила, что это со мной, и он ответил, что понравилось за руки держаться, вот и продолжает... Вечером приехал. И бежал по снегу мне навстречу. И обнимал. И мы гуляли, везде останавливались и обнимались, сидели на скамейке на бульваре... Такая заряженность была мне незнакома – или я такой не помню... – цунами энергии напоминали приливы молока в периоды лак-

тации.

– ...И у меня так много счастья, удивительно. Каждый день, каждый час, каждую минуту. От песен, от лекции, от объятий, от улыбок – и сама хожу и улыбаюсь во весь фейс, – от грусти, от сопереживания, от детей, от людей, от мыслей, даже от концепций. Трудно справляться с радостью, трудно ее распределять, но я учусь; ты меня учишь, ты мне помогаешь, ты меня в этом... пестуешь! А я ребенком в тебе прячусь, как и хотела... И до сих пор не понимаю, то ли ты мне не разрешил к тебе приставать, то ли разрешил, только молчал! Мне казалось, что ты недоступный и такой... серьезный.

– У меня все в жизни с первого взгляда. Но одна серьезная причина действительно есть: почувствуешь ли, что Ты значишь для меня. Будет ли это осязимо «на расстоянии». А если будет, – если получится, чтобы почувствовала, – то тогда и поймешь, что Тебе все можно. Когда-нибудь напишу тебе, как я в моем лесу за насыпью железной дороги весной ходил и обнимал сосны, они там такие... понимающие. Я пытался их назначить антеннами... Ну, и как все сны исчезали бесследно из памяти сразу, как рассвет в окна, почти автоматически: ведь вместе работать днем, спорить и обсуждать всякое важное... (Конечно, я чувствовала. Я знала! Но боялась, что неправильно понимаю. Я же тогда была в забвении по поводу нашей сути и вечности. Хотя уже начинала пробуждаться...) Мне просто очень радостно, что ты есть.

Вообще на свете и в моей жизни. (Я видела свечение, прямо-таки ощущение Божественного Присутствия!) Мне очень хорошо от твоих слов и писем. Необыкновенно хорошо. Я старательно изображаю спокойствие, конечно... Спокойно признаю, что не могу насмотреться на тебя, когда вижжу. И абсолютно спокойно все время только о тебе и думаю.

В то время кто-то один – он! – только обо мне и думал. Когда я поняла, что так бывает, приняла это как факт, тоже задумалась о себе. Осознание собственного присутствия выросло во мне не сразу, но когда, наконец, расцвело, ощущение Божественного Присутствия... как бы это сказать... уплотнилось – если мы состоим из плоти, значит, только так и можно говорить: о духе – из плотского, по-другому – иллюзия и лукавство.

Затеваю еще один диалог. Осторожно ступать мне не свойственно, всей тушкой прыгаю на следующую ступеньку, ныряю, врываюсь.

– ... Если я говорю, что мне тебя не хватает, а ты – нет, не говоришь... или говоришь, что мне этого знать не нужно – почему?

– Чтобы тебя это не тревожило и не заводило.

– Я и так взведенная и растревоженная!

– Я замечаю с восторгом и ужасом. Я про веселый ужас, радостный. Вот и хватит тебе пока твоего завода. А про мой и знать не нужно.

– Вот да, про ужас. Я только это и чувствую временами:

УЖАС. Я бою-у-усь! Я даже хватаюсь за щеки. Уже сто лет не школьница, а такой детский сад...

– Чего боишься?

– Чего-чего... прямо так тебе и сказать! Я не могу. Краснею и бледнею. И хватаюсь за щеки.

– Вот уж скажи.

– Ну, эта заряженность. Она же... сексуальная.

– Похоже на то.

– И вот. Опасная такая игра. И ты же живой такой вполне себе мужчина, верно, непросто сносить это все. А ведь «все позволено», как ты говоришь. Даже если предположить место и время и все такое, мое воображение отказывается идти дальше, потому что это так страшно...

– Я заметил. Но почему страшно?

– Потому что это реально. Ты прав. Не песни, не стихи и не сказки. И не твой образ. А ты настоящий – и я. И... не получается туда посмотреть.

– Ну и не смотри.

– От технических деталей я просто со стоном рву на себе волосы.

– Ты чего-то стесняешься?

– Невыносимо даже, что ты смотришь на меня, а если еще что-то со мной делать будешь... Да, наверное, это называется «стесняешься». У меня регресс, говорю же: пятнадцатилетние ужасы.

– Ничего не бойся, пожалуйста! Тебе все можно: делать,

что захочешь, и не делать, чего не хочешь, и менять хотения на ходу в любую сторону. Капризничать и самой себе противоречить. Мне с тобой все чудо: смотреть, разговаривать, слушать, как ты что-то рассказываешь, держать за руку и держаться на расстоянии... Чувствовать твоё тепло, когда ты рядом, и ощущать, как мне тебя не хватает все остальное время. Это все твоё присутствие. Ты сама решишь, насколько далеко можно заходить, где тебе хочется остановиться.

Да, разрешение – потрясающая штука. Высвобождает море энергии на желания. Причем разрешение не делать, не идти для меня оказалось гораздо более значимым, чем открытые двери. Напряжение уходит, и на его месте обнаруживается реальность – сказочная, фантастическая, неожиданная реальность. Как название повести Туве Янссон: «Волшебная зима». Та зима была по-настоящему волшебной. А вот следующая зима была сложной. И стихотворение, которое тогда родилось, как потом оказалось, не отражало сути происходящего. Хотя ему понравилось. Тогда он не сказал, что...

Но об этом позже.

Ты говоришь: «тебе можно все».

Я отвечаю: с тобой можно все.

Любиться и драться,

Рыдать и смеяться,

Болтать просто так,

Озвучить любой пустяк.

*Любой очень важный пустяк.
Казаться себе и ведьмой, и феей,
И очень глупой, и очень девочкой,
С довольным видом собирать трофеи:
Взгляды, улыбки, прочие мелочи,
Такие важные мелочи...
Ты говоришь: «тебе все позволено»,
В глазах теплые волны плаваются.
Таю. Иду. Ведушь. Двое, мы
Никогда не кончимся, не ославимся,
Мы подвластны времени, только
Ход у него иной.
Мне все можно – да и тебе, поскольку —
Со мной.
Переждешь терпеливо отлив,
Прилив обрушу на берег твой,
прибой —
Примешь с мирным восторгом, волны свои разлив:
Мне позволено все.
С тобой.*

...Той волшебной зимой во мне много раз поднималось удовлетворенное «спасибо судьбе, жизнь удалась!» – а на следующем повороте я находила очередной мешок с подарками. И новая волна изнутри: вот теперь благодарю, теперь уж точно нечего желать! И опять поворот, и там – оп-па,

еще один шикарный сюрприз!.. Остановившееся как будто время переливалось тихой рекой о том, что я чудесная и красивая, и оказалась еще чудеснее, чем воображалось. Плескалось про всякие лодыжки, запястья, мрамор и античные рельефы – поэзия, в общем... Странно: я не знала до этого о своих лодыжках!

Все было настолько по-настоящему, что слова в какой-то момент кончились. А когда возродились, вылились в стихи.

*Мы в царство бериллов
Сквозь сотни тропинок – и лет! —
Вступили с мороза так здорово...
Веселье искрилось
И плавился ласковый свет
В глазах твоих гелиодоровых.*

*В снегах были земли,
А в печке биксбит полыхал
Гирляндой рыже-малиновой.
Так бережно внемля,
Ты жар тишины выдыхал
На холоде аквамаринном.*

*Средь сказочной были
Сиял самоцветный чертог
Наградой за странствия трудные.*

*Мы руки раскрыли —
И хлынул блаженства поток
На своды души изумрудные.*

*Прохладного блеска
был полон заснеженный мир.
И ярче сокровищ тюдоровых
На фоне пролесков
расплавленный лился эфир
Из глаз твоих гелиодоровых.*

За неимением авторского он отреагировал повествованием о «свиданий наших каждом мгновенье...»^{**} – с поправкой на сезон здорово подошло, просто срослось!..

Свет очей моих.

Свет в очах твоих.

Наши прогулки, храмы – ты мой храм, мой дом, Энки! Я тебя узнала. А ты мне напомнил, кто я такая. Ты деликатно и плавно подводил меня к пониманию собственной природы, а в какой-то момент, между спорами, прогулками, романом с хлебешком у старинного пруда – «мои колени замерзли... и что-то важное между»^{***} ... – бокалами, разговорами, долгими прямыми взглядами, уютом кресел, диванчиков, покрывал, постелей, доисторической обнаженной естественностью и целостным соединением – да-да, целиковым, по Платону! – попросил меня написать роман, предложив

концепцию...

Ты вернул меня домой. Я пришла домой – в себя. И хотя дома мне доводится бывать не так часто, как хотелось бы, теперь я знаю, что он есть. В параллельной реальности «мы» нет оценки, она – pure****, она сопровождала всю мою жизнь – и до Встречи, и раньше жизни, – и останется после...

С тех пор у меня появилось еще несколько параллельных жизней. Как мне с ними... ужиться? Как сохранить сказку этого самого pure-измерения?..

Эта льющаяся подсвеченная речная волна в твоих глазах невыносимо прекрасна... без оценки – просто невыносима! Может, поэтому я не ходила в эту параллельную реальность чаще? Может, я чувствовала, что мне надо побережться, пообвыкнуться?... Не пить ее взахлеб, не заглатывать жадно – бережно освежаться... Мы ведь столько жизней провели вдали друг от друга! Pure пью...

* Шумерское слово «э», как и многие другие в этом в допотопном языке-прародителе, означает и «дом», и «храм», в то время как вторая буква имени Эа – «а» – и воду, и руку. Эа может быть как именем аккадского бога, так и эльфийским названием толкиенской вселенной.

** стихотворение А. Тарковского «Первые свидания», написанное в 1962 г.

*** песня Земфиры «Прогулка»

riġe – чистый, простой, беспримесный (англ.)

Эрос

Эгоизм – непроницаемая граница между собой и обществом, и, возможно, Нарцисс – дитя эгоистичного Эроса, уж больно засекречена веками история последнего.

Его туалетная вода носит название «Эгоист». Об этом он сообщает на первом свидании со счастливым смехом. Он вообще очень веселый. Когда не занавешивается своей космогонической теменью. Но я и сама, как он выражается, во взгляде «заслонок» понаставила, так что не мне судить о его защитах.

Наши отношения начались внезапно, развернулись за короткое время и отхлынули – не растворились, остались каким-то приятным отзвуком, благородным послевкусием, ароматом свежести, художественной картинкой – какие еще органы чувств не задействованы в этом описании? Достаточно и этих.

– ...Обнаружила, что наш выход из метро не работает. Вас вдохновляет теория о том, что, чем сложнее путь, тем судьбоноснее встреча? Если нет – пишите, постараемся встретить у метро!

– Путь еще не начинался, посему и трудностей не было особенных...

– Да ладно Вам, про путь-то! Уже на каком-то плане полным ходом.

Он приехал за пирогом – он же любит сладкое! («особенно вкусное, а оно было вкусным...») – и общением: за тем, чтобы его послушали – он же любит ораторствовать! («...особенно под разговор») – и за тем, чтобы подпитаться чем-нибудь новеньким в профессиональном плане. По возможности. Но больше – собой подпитать. Хотя подпитка – это такая штука, которая в обе стороны работает: поораторствуешь – отточешь вербально свои измышления, себя покажешь – на других посмотришь... и увидишь, если смотреть правильно умеешь.

И он увидел. Как вообще сочетается в нем это самолюбование с острой внимательностью? Это потрясающе! «Диалектическое противоречие», как ему нравится говорить. Ему вообще нравится говорить красиво и умно, и у него это ювелирно получается. Еще при этом стрелять своими веселыми искрами из-под ресниц. Или темнеть омутово, что тоже привлекательно: когда это я отказывалась от засасывания в замеченные поблизости Бермуды?...

И так он меня увидел – как и я его, – что спустя всего лишь несколько часов развернулась у нас переписка о поэзии, музыке, профессиональной сфере, во всем этом раскрылось много вкусовых совпадений, как он говорит – резонансов. Говорю, что раз так, можно и «на ты», как на Ближнем Востоке. И он сразу принимает:

– Переходим!.. Ты, наверное, аудиал.

– Я не знаю, кто такие аудиалы. И кинестетики всякие. Меня спрашивают: ты что, кинестетик? Все тебе «тяжело». Или «тепло». Или «больно». А что с обонянием делать? С теми, кто, как я, ощущает мир через запахи? Они кто – *обоняльщики*? Наверное, тоже кинестетики.

– А я – визуал. У меня картинки. Стихи лучше воспринимаю, когда вижу. А картинки – воображаемые. Как у тебя. Метафоры... Я вот не знаю, что с обонянием! Вообще классификации грубы. Я обычно, когда говорю о том, что визуал, имею в виду, что картинка для меня на первом месте. Она может заслонить все. А можно включить обоняние и начать набирать картинку из запахов...

И мы понабирали звуковых «картинок», обменявшись записями собственных голосов и текстов. Созвучно, резонирует, сияет так, что в какой-то момент перестает сильно удивлять (сильное удивление, потрясение, даже со знаком плюс, имеет привкус тревоги) и наполняет чистой радостью.

– Я вообще обо всем этом давно не говорил, у меня в ушах звенящая пустота.

– ...Если бы я почему-нибудь решила пойти в религию, моей религией стала бы анатомия: это, по-моему, нечто самое трансцендентное на свете. И я не только про связи мозга: связи всего организма – и экологию, в плане связи его с окружающим пространством.

– Да, это потрясающе, когда представляешь...

– И никто не знает, что такое космос, потому что ведь,

возможно, он внутри каждого из нас.

– ...К вопросу о связях: все связано со всем, весь вопрос в весах и сочетаниях... до связи!

Это наступил и проехал мимо «час быка», для первого знакомства – неплохой улов! А наутро эти богатые сутки продолжились.

– Доброго дня! Сижу вот, и вместо того, чтобы ехать на работу, слушаю твою музыкальную подборку. И ведь могу сделать это по дороге, а все равно сидится.

– Я очень довольна, что мои музицирования тебя отвлекают от работы. Пару десятилетий назад я так привязывала мальчиков своим творчеством: «давала почитать» и пела.

– Поешь ты красиво.

– Да и вообще я красивая.

– Тоже не отнять.

– И все, кто в моем поле, тоже.

– Я не часто так резонирую.

– Да, резонанс – дело штучное. Мы вчера с другом посмеялись: сцепка происходит «сумасшедшинкой», которую можно обозвать как угодно: и нонконформизмом, и эвристичностью...

С другом... Смогла ли я до Встречи с *другом* чувствовать себя такой открытой и смело идти в близость с тем, кто мне... резонансен?

– «Все мы немного не в своем уме». Два безумных шляпника... хотя нет, я, скорее, чеширский кот, который любит

исчезать и оставлять только улыбку.

– Да! Я только подумала про твое котофейское... но ведь не выйдет у тебя «только улыбку»: есть же еще хищный нос.

– Тогда это будет разновидность чеширского кота, у которого последним исчезает нос!

– А я – просто ведьмочка, не более того.

– Ну-у, от ведьмочки до волшебницы один шаг.

– Ведьмочка круче волшебницы!

– Это как посмотреть – с какой стороны круче. Быстрее – да. Ведьмочка включена в мир. А волшебница его выбирает. В этом основная разница. Чтобы выбрать, нужно отстраниться. Не все ведьмочки это могут и хотят сделать.

– Мммм.. спасибо. Это очень клево, я буду думать. Про скорость свою невротическую и необходимость волшебнических пауз. Хотя ведь без ведьминского мы бы еще полжизни с тобой расшаркивались.

– Это точно.

Это точно!

А вот в дальнейшем мое быстрое ведьмачество его отмечает. Оказывается, ему, как и многим, важно быть свободным от чужого направленного воздействия, он его воспринимает как угрозу своей безопасности. Но, в отличие от многих, ему – классному, просто гениальному методологу! – удастся осознанно запихнуть свои тревоги в концепцию.

Те несколько дней я серьезно занималась работой, а также терапией и самотерапией с помощью стихотворчества:

*...Бывает, ты не в силах звать, искать,
Не в силах ни встретить, ни пресекать,
Внутри – вопросов спутанные петли,
А речь невыразимость боли медлит,*

Озвучивает выдохи тоска.

*...Бывает, пробудишься ото сна —
Внутри светло, исчезла пелена,
В речах – невыразимость данью тайне
Господствует о нежности бескрайней,*

Озвучивает выдохи весна.

*Ведь в целом жизнь – когда и так, и сяк:
И сердцем ввысь —
И мордой об косяк.*

...

И в те дни я стала получать эротические послания. Он же Эрос. Во всем. И в своей методологии – не всегда, но в те моменты, когда не застопоривается на уровне умной своей ГОЛОВЫ.

– Про выдохи – такое... твое. Очень приятно погружаться в твой текст.

Сначала – легко: пробежаться по строчкам, почувствовать настроение.

Потом – еще, внимательно, чувствуя, как меняется строка, размер, ощущая шероховатости и гладкость, как они сочетаются в уникальное. И противоречия, которые ты соединяешь, и они живут внутри. И еще раз – опять легко, едва касаясь. Скользить и набирать что-то вроде скорости – но это не связано с быстротой.

Помимо таких поэтизмов опять говорили о резонансе, проявляющемся в разных областях наших интересов:

– Как удивительно видеть общее... Какие-то общие подходы, смыслы, даже словечки...

– Ты не встречал *своих* людей?... Это потрясающее ощущение, присоединяюсь! Сплошной восторг нескончаемой синхронии.

– Я чаще встречал дуалов. Половинок. Которые относятся к тому же по-другому, незнакомо и при этом дополняюще. А вот синхрон... тоже было, на самом деле, но давно. Сначала человек встречает тех, кто похож на него. Потом заслуживает тех, кто его дополняет. А потом, как знать – может быть, наступает синтез, и он начинает опять встречать тех, кто нашел себя таким, каким он себя нашел. Мне тут ближе «закон заслуженного собеседника» Ухтомского*.

– Мне тоже очень нравится. Эдакая ЗБР** партнерства. Ты сказал «давно» – и вспомнилась посвященная мне песенка одного парнишки из прошлого: «*похоже, я тебя встречал,*

не в этой жизни, а в иной: все также близок лик родной, а эти годы я скучал...»

– ...Я очень рад, что заслужил тебя.

– О... не могу ответить тем же, потому что... невыразимо.

– Ты знаешь, я о тебе думаю даже чаще, чем позволительно. И это очень приятно.

Мои провокации – честные, прямолинейные, бесхитростные. Реакцией на его фразу, правда. Так что неизвестно, что и кто провоцирует людей на повороты.

– Опять мы с тобой не спим полночи... мне, правда, нравится.

– Это нехорошо.

– А почему нехорошо?

– «Не спать с тобой» нехорошо. Такой жесткий каламбур.

– Да-а... Я аж потерял это, как его... красноречие.

– Специальный заход такой, подножка. Нарушает границы.

– «Границки» – почти так же нежно, как реснички, и почти про то же.

– А ты, похоже, ведешься!..

– А я оставляю маленькую недоговоренность. Смотрю внутрь, а у меня там картинки. Если картинки начинают двигаться вкривь и вкось – значит, с психикой человека что-то не так. А вот с тобой мои картинки... Ладно, тут совсем эротичное.

– ...Как тебе версия о том, что для размышлятельных, как

мы, «спать вместе» – это... ну... вторично?

– Могу сказать, что первично – «вместе». А «спать» – это уже вторично, действительно. Для рассуждающих. Но тут есть диалектическая штука: первичность и вторичность вполне могут быть диалектическими противоположностями, а значит, образовывать тезис и антитезис, которые ведут к синтезу, который, в свою очередь, тоже обретает антитезис и так далее, пока мозги не взорвутся. Гегель!

– Мы, случайно, не выпендриваемся друг перед другом? Все эти гегели, ухтомские, выготские и иже с ними?...

– Знаешь, я думал над этим. Не знаю, как ты, но у меня нет этого ощущения выпендрежа. Что странно. Я просто раскрываюсь. И не стыдно признаться, что я чего-то не знаю. А то, что знаю, вдруг оказывается уместным и помещается в нить. И оно тянет еще и еще, и вдруг начинаешь играть разными красками, которые до этого считал отсутствующими или потускневшими. И ты мне представляешься очень разноцветной. Совершенно не монотонной, я вот к чему.

«Сплетенья ветвей – крылья, хранящие нас»^{***}

– А «судьбы сплетенье» – антитезой?

– А свеча – синтезом?.. Знаешь, какая у меня картинка внутри? Мальчишеская абсолютно: солдатики. Две команды солдатиков собираются вместе и выстраиваются. Только не друг против друга, а рядом, друг в друге. Выстраиваются и выстраиваются. Все новые и новые. Ведь еще даже идти не начали.

– Интересно и странно... в наш век чатов виртуально можно вести жизнь, параллельную реальной... Ой, вообще мимо. Другое хотела! Стеснительно, вот и окольничаю...

– Какое слово красивое.

– Короче, в «виртуале» дистанция так резко схлопнулась, что встретиться немного страшно, прямо хоть «на вы» и с расшаркиванием.

– Да, это... волнительно. Но мы ведь сначала встретились именно в «реале». Потому что десяток сообщений о том, как идти – это еще не «виртуал».

– Да, встретились и даже успели смело обменяться крепким рукопожатием.

– Я тоже его вспомнил. У тебя теплая ладонь, не только температурой – она показывает отношение. Мы с тобой не зря любим ладони. По ним можно многое сказать. «Взявшись за руки, глядя на парусный флот».

– А у тебя такая... ясная, честная и определенная. «Раскрывая ладони золотому дождю»... Держаться за ручку – это так по-детски и по-стариковски. Про доверие. Люблю за ручку. Как в юности *гулять за ручку* до рассвета.

– И я люблю. Да, и встречать его... И разговаривать, перебивать друг дружку, и сердце стучит в ладонях... Как же мне нравится то, как ты пишешь... Могу перечитывать и перечитывать. Прости, это лирическое отступление.

Так идет неделя. Еще даже не прошла, а связь уже такая... налаженная-налаженная!

– Ты одержимый.

– Почему-то сейчас это от тебя эротично прозвучало.

– Может, потому, что на предрассветное время обычно приходится пик мужеской энергии?

– Ну-у... пик моей активности обычно равномерно размазан по суткам. (Афоризм, метящий в топ сильнейших нарядов с «ровным потоком экстатических состояний» от Энки). Хотя мысль интересная. По крайней мере, отчетливо захотелось взять тебя за руку.

– Она что-то задрожала. Отчетливо.

– Значит, расстояние – не преграда. Тогда, пожалуй, даже обе руки. И нежно-нежно дать им возможность самим выяснить, как они собираются взаимодействовать дальше.

– Чуть телефон не уронила. Посмотрю во сне, как! Ладно?

– Договорились! Потом обменяемся впечатлениями. Начал набирать «до связи» и вдруг понял, что эта связь почему-то не прекращается.

«Когда ладони касаются, их линии начинают свою жизнь. Сначала робко пробуя, потом сплетаясь все теснее. Жизнь с жизнью, судьба с судьбой. И всегда настоящее одного – с будущим другого. Кто знает, как они себя там ведут, когда это скрыто пожатием? Именно ладони открывают другого человека, понемножку и сразу, касаясь там, где можно, превращаясь в нежность или силу, выдавая то, что внутри, и чувствуя другого как другого, ощущая то, что только его. В моменты близости, когда обе ладони в ла-

донях партнера, и тела струятся в страсти, настоящее и будущее замыкается в выбор, и окружающий мир исчезает. Остается здесь и сейчас, сплетения линий, их кружево и ткань. Закрываешь глаза и чувствуешь, как живут ладони друг в друге, и движения тел скрепляют их союз».

Вот так парадоксально мы и соединились: полнотой смыслов, чат-переписки, которая как-то смогла уместить в свое куцее пространство великолепную поэзию текстов. Я уже тогда вслух грозилась запечатлеть эти наполненные монологи «для потомков», и вскоре дала волю своей тяге к бюрократии, ни капли не пожалев о потраченных на копирование переписки часах.

«У каждого есть возраст, которым он смотрит. Ты смотришь двумя возрастaми. Когда немножко опускаешь голову и смотришь чуточку снизу вверх – это зрелость. Около тридцати, может, чуть больше. Вселенская скорбь пробегает. А второй – это прямой взгляд глаза в глаза. Тут – второй десяток, не больше».

«Я практически не понимаю стихов. То есть никогда не пробовал. И поэтов любимых у меня даже нет. Я их просто чувствую. Серый я в плане стихов! Слушать могу. И чувствовать. Твои стихи очень чувствую. Мне тебя нравится читать».

(Уверения в «серости» сопровождают «простыни» подборок пронзительных, точных и гениальных по простоте стихов Заходера, Рязанова).

«...Я так тебе рад. И как же я люблю, как ты пишешь! Знаешь, бежит строчка, иногда прерываясь не пробелы, а взгляд бежит за ней, так же, как бежит сосудик под кожей, и нежно пальцем ведешь по нему... Ты видела когда-нибудь пластину с текстом? Зеркальным, по которому печатают, например, глубокой печатью? На нее наносят краску, а потом оно пропечатывается. А до этого текст набирают, буква к букве. Так было когда-то давно. Была профессия „наборщик“. Специальные пружинки внутри, которые делали выключку, отступы, большие и маленькие, шпации всякие... Вспомнилось, потому что твой текст для меня – вот такая пластина. Достается настроение откуда-то. Может, из прошлого... И эта пластина сама по себе очень красивая. Очень! И касаться каждой буквы, чувствовать ее изгибы, прохладу и одновременно теплоту... Чувствовать, что внутри бьется жизнь»...

«...Текст – особая материя. А твой текст – это многослойная материя. Твои тексты хочется взять за руки. Иногда они бегут вперед, несутся, порой суеются, летят, и хочется дать им нежности и поддержки, уверенности какой-то внутренней. Чтобы они остановились и заструились так, как им свойственно, не торопясь, но достигая всего точно вовремя и в нужное место. Твой текст еще напоминает скульптуру. Только не вырубленную, а проведенную руками. Когда долго водишь ладонями, сначала материал полируется, а потом появляется форма. Изгибы, глад-

кие и не очень, бархатистые наощупь и совсем незаметные, по которым скользишь – и вдруг тебя ошарашивает неожиданным поворотом, в который даже можешь не вписаться. А когда выпадаешь – прикасаешься опять, и ощущение уже другое. И там, где уже были ладони – тоже. И все это еще и теплое, и дышит».

«Такое странное ощущение... Когда читаешь тебя – как будто кисточкой по очень старому рельефу, как в раскопках, пыль везде, и от кисточки она уходит, и рождаются грани – тут и там. Иногда сверкнет что-то и снова погаснет, а иногда станет четким – и вдруг исчезнет. Ты сложная. Ты меняешь свой рисунок. И вместе с тем очень интересная, только не просто. Там за смыслом есть форма, а за ней еще смысл – я про него. Не «откуда ты знаешь», а «почему смысл так совпал с тем, что я чувствую».

«Тебя читать очень хочется. Взгляд скользит и возвращается, чтобы скользить опять. Удивительно. Как будто, знаешь... вот бывает текст, который прочел – и он осыпался и исчез, остались несколько острых углов и все. А твой текст от повторений проступает. Как ты пишешь, «вести по нему и вести – не наводишься».

«Представляешь, если сейчас этот поток идет – потом он будет в десять раз плотнее? И картинки будут совершенно неприлично накладываться и вспыхивать друг об друга? Тогда любой наблюдатель сочтет, что это уже не сумасшедшинка, а полноценный сдвиг по фазе и амплитуде за-

одно».

«Пусть веки закроются наконец, а сны будут светлыми, пушистыми и легкими. Желтые одуванчики, ветер, шелестит трава, бездонное небо над головой, твои глаза распахиваются в это небо, и ты сливаешься с ним. Радости тебе! Радость всегда рядом. Чутьочку на сердце. Капелька на носу. Щепотка в волосах. Луч в глазах. Оборачиваешься – и она уже внутри, закружилась и закружила тебя».

Можно ли объективно оценить длительность, продолжительность нашей связи? Можно ли назвать наши отношения «бурным романом»? В какой-то бытовой плоскости – да. Соседке за бутылочкой именно так и преподнесла бы – плоско, привычно: мол, интересный и неожиданно стремительный адюльтер у меня случился, это было чудесно, и сейчас мы, что называется, «остались друзьями».

Хорошо, что я не пью с соседками. Ибо для меня связь измеряется не календарем, а глубиной и содержанием, а также трофеями в виде всякой вкуснятинской литературщины и преобразований себя, то есть – этапов исцеления. Что, что же мне надо вылечить?.. Я уже почти поняла. Дружище Эрос порой говорил о каком-то странном червячке, который прячется внутри меня, иногда высовываясь. А мне недавно приснился сон, как я из ладони вытягиваю червяковую ядовитую гадюку, похожую на темную вену. Вытягиваю, понимая, что теперь умру, и слыша причитания вокруг. Сми-

ренно приняв исход и продолжив повседневные дела. Цели-тельно и убийственно – излюбленное его «диалектическое противоречие», загадка, решение которой ведет к развитию, но никак не дается мне в руки.

– Почему-то опять возникла картинка: маленькая девочка в песочнице показывает маленькому мальчику свои богатства, а мальчик берет и серьезно рассматривает. Чувствует их. И чувствует ее. Ты меня околдовываешь, богиня!

– Смеюсь! Околдовывают ведьмы и сирены. Богини – оздоравливают!

– Околдовывая. Это же не дурман колдовской: другое. Если бы я рисовал связь между нами, я бы начинал с ниточки. А потом начинается какая-то фантазмагория: она становится световодом и как будто размножается в разные цвета и разные плоскости, только направления – от тебя ко мне и от меня к тебе. И от ниточек зажигаются другие ниточки. Я тебя чувствую то тут, то там: сейчас – в грудной клетке слева, иногда в кончиках пальцев, иногда в середине живота – как будто энергия открывается, иногда в середине ладоней... Ты читала «Гиперион» Дэна Симмонса? Там была Та, Кто Учит. У нее было обращение к людям, которое она сократила до двух слов: **ВЫБЕРИ СНОВА**.

...Ты меня раскрываешь. Вот как мне с этим всем? Хочу прикоснуться к твоим волосам. Убрать прядку со лба. Любоваться тобой. Разговаривать обо всем сразу...

– А как тебе с этим всем? Тяжко?

– Очень воздушно.

– ...Ты понимаешь, что можешь найти меня другой? Обычной?

– Я тебя уже нашел такой, какая ты есть. В нашу первую встречу. Ты тогда несколько раз совершила движение, которое не совершает никто. Внутреннее движение. «Пока мы здесь, и есть еще время делать движения любви, надо оставить чистой тропу к Роднику»... Пару раз это произошло. Это, знаешь... картинку даже трудно нарисовать. Ты в этот момент начинаешь двигаться и физически: меняешь местоположение. И от этого внутреннего движения захватывает дух. Ведьминое, видно. Ведаешь что-то. Ты очень близко вдруг оказалась. Как будто внутри даже, прошла сквозь границы, будто их нет. Я увидел и ощутил этот твой внутренний порыв.

– И что мне с тобой, околдованным, делать – не представляю. Даже тревожно! Как бы передоз не случился... в таких случаях я предпочитаю очень сильно и крепко обниматься. Это помогает!

– Да, это мечта. Я почему-то тоже про это подумал. Странно даже!

– Ну, и давай обнимемся как-нибудь... братишка.

– Ну, давай как-нибудь. Сестренка. На самом деле опустить границы мне, наверное, несложно. Только я не хочу. Они поднялись впервые за долгое-долгое время. Если брать – то это как гильотина, которая рубит связи. Это боль-

но. Но дело не в боли. Я не хочу. Связи светятся и живые...
Не спать с тобой вместе потрясающе, конечно. Это волшеб-
но. На самом деле.

* великий физиолог А.А.Ухтомский создал учение о доминанте, сформулировав внутри помимо прочего законы общения: закон Двойника и закон Заслуженного собеседника.

** збр – «зона ближайшего развития» – психолого-педагогический термин, введенный Л. Выготским в 30-е годы прошлого века

*** строчка из песни БГ «Пока не начался джаз. Следующие строки – из «Зимней ночи» Б. Пастернака. Далее – цитаты из песен БГ, А. Ф. Склера и еще немножко композиций.

Расцвет

Он отмахивался от поэзии, погрузившись в нее. После первого свидания (первого поцелуя у первых почек и всего такого – первого) сам разразился стихами:

*Мой поезд ушел первым,
А твой подождал немного.
Чуть-чуть расслабились нервы,
Как будто близка дорога.
Как будто живем вечно,
Как будто любви много,
И нас на пути млечном
Не спросит никто строго.*

– ...А ты как будто сейчас... в регрессе: свежачок такой весенний, видимо. Похоже, влюбился! А это освежает.

– Да это просто перетряхивает!

В стихах же выразил и свою «нитяную» метафору связи:

*В небо уходит нить,
Ветер свистит вокруг...
Попробуй без нити прожить —
Закружит и сбросит вдруг.
Вниз лететь далеко,
Падать сквозь темноту,
Вверх лететь нелегко —
Ниточку видишь ту?*

Утренние послания.

Я хотела бы, чтобы он издал хронику своих Утренних Посланий.

Но ему не до этого – ему нужна его наука...

«Доброе утро! Так интересно, наша связь просыпается утром постепенно, включает свои теплые окончания, потягивается и вообще ведет себя как ребенок...»

«Доброго, теплого, светлого, уютного и радостного тебе утра! Лежу под теплым одеялом и думаю о тебе... Когда я представляю струи воды, стекающие по твоим плечам, груди, бедрам.. хочется любоваться бесконечно!.. Хотя здесь бесконечность – штука относительная. Пойдешь же ты когда-нибудь в большое махровое полотенце. Закутать тебя в него... а потом добыть, такую свежую, чистую, вкусно пахнущую, горячую. Полотенце огромное, и приходится постепенно... добывать. Чувствую твой запах на себе. У тебя очень вкусные губы. Целовать тебя... я не могу оценить. Я хочу еще и еще».

«Доброе утро! Проснулся и думаю о тебе... Такое теплое ощущение от вечера внутри. Закрываю глаза и вспоминаю вкус твоих губ... Кажется, я сейчас опоздаю на работу. Хочу продолжить лежать под одеялом и думать о тебе. Еду в трамвае и трогаю ниточки между нами... теплые. Сел в метро, закрыл глаза... думаю о тебе. Как мы вчера потерялись во времени среди этих огромных храмов, деревьев, ре-

ки... Хочу обниматься. Думаю о тебе и чувствую себя наполненным».

«С добрым утром, Лисенок! Постоянно ловлю себя на предвкушении чего-то приятного. Задумываюсь, выясняю, что это приятное – возможность думать о тебе, писать тебе, получать твои ответы... Просто возможность раскрыться в тебя... Удивительно! Господи, как же приятно просто прикоснуться к тебе мысленно, увидеть твои глаза, услышать твой голос... Обнимать тебя хочу. Нежно гладить по спинке... и не только по спинке. Помню, ты мне положила ладонь на бедро.... Так хотелось, чтобы ты ее подольше не убирала! Думаю о тебе. С тобой так светло и спокойно. Мне кажется, мы сегодня сплелись еще какой-то связью... Как в «Аватаре» сплетались косичками, помнишь? Воздух прекрасный. А я думаю о тебе... с такой радостью. Так приятно: подумаешь о тебе, ниточка изнутри вытянется – и тепло... Хочу обнимать тебя сзади и смотреть на город с высокого берега. Дышать запахом твоих волос. И шептать на ухо что-нибудь нежное и не очень умное...

Как распушились облака...

Как ветер треплет челку,

как умные слова слегка пытаются умолкнуть»...

«Доброе утро, Лисенок мой нежный! И умный. Настроила меня ночью на интимный лад, всю ночь проворочался, возбужденный... И утром сейчас хожу и чувствую: хо-

чу... Половину времени в душе провел вовсе не затем, чтобы мыться».

«С добрым утром! Всю ночь просыпался и сладко о тебе думал. Так тепло от встречи. Обнимать тебя хочу... целовать и ласкать...

Я о тебе думаю.

Что? – думаю, как хорошо, что можно о тебе думать, что ты есть и я о тебе думаю».

«Доброго утра, милый мой Лисенок! Вот что я делаю вместо того, чтобы поспать с утра? – думаю о тебе и вспоминаю наше... И руки сами тянутся повторить какие-то моменты, пусть и не так ярко и проникающее... А память подкладывает все новые: твои губы... твои ласки... наше первое соединение.. твоя легкая тяжесть на мне, твои влажность и глубина... твое дыхание, нежно ласкающая меня ладонь... твое принятие меня и взрыв в тебе»...

Вечерние встречи в сети.

Как бы я хотела, чтобы он написал рассказ о любви. Эротический рассказ от повесы Эроса.

Но ему не до этого: он придумывает формулы!

– Пойдем в постель.

– Мне так нравится это твое предложение! От него в животе начинается легкое верчение. Представляю, как ты скользишь ко мне под одеяло.

– Нырну к тебе под бок. У тебя голый бок?

– Да!

– Теплый...

– А потом я поворачиваюсь к тебе уже не боком...

– Конечно, поворачиваешься! Куда ты денешься от моей ладошки.

– ...глажу тебя всю... куда дотянусь... а потом ты целуешь меня в грудь, и я улетаю.

– Выдыхаю довольно громко... Везде дотянешься: долго ли!

– Хочу усадить тебя на себя, чтобы ты целовала мне грудь, а я чувствовал тебя внутри... ладони на твоих бедрах...

– Не очень физиологичная поза, ну да потерплю немного!

– Да, наверное, удобнее, когда я сверху. Как раз уткнешься... и поцелуешь... Ты не представляешь, какое это ощущение! А ты еще так нежно и спокойно это делаешь... В этом ощущении растворяешься, только возбуждение нарастает, и его хочется влить в тебя...

– В руках что-то вспыхивает. Можно тебя за волосы немного потрепать? Чтобы руки не разорвались...

– Тебе можно все.

– За виски тогда возьму и нос тебе обцелую. Такой подвижный, интересный... живой... а ты там продолжай, что хочешь.

– Как приятно! Тебя хочу. Всю-всю.

– А мне нос твой нужен. И висок. И взгляд, любимый такой... как будто я его знала всегда. Пусть он издевается,

но никогда не предаст. Потому что добрый. Пусть он жесткий, но всегда честный.

– А мне – ты.

– ...А мне еще твой рот. Он очень мягкий и нежный. Он не боится быть таким, это потрясающе!..

О, этот рот! Мой «первый поцелуй». Да, на первом нашем свидании я получила трофей в виде «первого поцелуя». Помню чувство досады, я даже воскликнула что-то вроде «ну, почему, почему это случилось со мной не в семнадцать, а в... сто семь?!»

– Мне так сладко внутри, когда я о тебе думаю... Причем где-то в районе груди сейчас. Милая... Как же хорошо, когда ты рядом.

– Знаешь, прямо вдруг заплакать захотелось.

– Вот уткнулась бы в меня и заплакала. А я бы тебя по волосам нежно гладил... целовал в ушко.

– Хочется уткнуться. И шептать: «Пожалуйста, пожалуйста, окажись тем, чем ты кажешься!»

– Как говаривал Роджерс* – «запрос на конгруэнтность».

– «Ты правда настоящий?» – всхлипывать, – «Поклянись, пожалуйста, не надо только обманывать!»

– А я бы взял твои ладошки и сказал: «На, я весь твой, проверяй!»

– Когда-нибудь меня перестанет выбрасывать в недоверие и предвещения предательства. Когда-нибудь. Сегодня я тобой

восхищаюсь и немножко посмеиваюсь тоже. Люблю, в общем. *Запечатлелась*, как в попсовом фильме про вампиров. Слово мне очень нравится.

– И мне нравится.

– Впечатано в меня твое веселое лицо.

– А я, значит, вампир. Причем этот, который прикасается и сразу все понимает. А ты, значит, оборотень!

– Я тебя люблю сегодня. Ты такой во мне могучий, как памятник. Иди спать с моей любовью. Не пролей!

– Беру бережно и несую, прижимаю к себе...

«Тебе можно все». Поди ж ты! И он туда же...

Вампирюга князь Цепеш, чудовищный Vlad-Blood, и лисично-белочный оборотень.

Вместе. Телесно, очно, визуально, тактильно, вербально – как угодно! Ради этого «вместе» сотворится с нами жизнь. А потом уводит от него на расстояние – может, для того, чтобы вздохнуть, *воздухануть*, дать возможность унести в себя?.. «Раздобыть чувство – и сохранить его в разлуке», как говорит один мой знакомый, тантрический «гуру». Апрель разворачивается – и затухает, этот наполненный, фаршированный вкусами апрель.

– Такое впечатление, что время растянулось. Так давно ты был. Так давно... Не видела такого, не видела никогда. Такого... непосредственного, что ли. Умный непосредственный

взрослый ребенок.

– Хочу, чтобы ты говорила это мне на ухо своим сумасшедшим шепотом... И обнимала. Лежать вот так рядом. Обсуждать что-то серьезное. Про свобо-о-о-оду... философию... психологию... А потом поцеловаться. И мир уносится куда-то, и остаешься ты – теплая, желанная, близкая... И, как в детстве, границы кровати – границы мира. А еще люблю смотреть в твои глаза в сумерках. Они бездонные...

– Как будто много смотрел – прямо «люблю»!

– Чтобы любить, не нужно тренировок. Иду спать. Только обниму еще разок... проведу пальчиками сверху донизу, нежно-нежно, поцелую в шею... Спи, Лисенок. Так интересно: я вдруг почувствовал, как ты отключила внимание.

– Прости, что чуть не скомпрометировала тебя сегодня прямо на улице, на твоей территории, среди адептов... Моя самая яркая сегодняшняя картинка – когда ты озаряешь меня в кафе своими величественными сентенциями из глаз, губ, бровей и – руками... Озаряешь, подвешиваешь и подгружаешь. Плотно. Красиво. И вторая – когда на эскалаторе смотришь. И обниматься не надо: столько объятия веселого в лице и во всем тебе. Бесконтактного. Ты так трепетно относишься к языку, как к знакам... это немислимо.

– Твои знаки... Они очень тонкие и по-разному читаемые. И вместе с тем они читаемые, прикасаться к ним и чувствовать их рельеф так приятно. Они разные на ощупь. Иногда

даже колются. И это тоже приятно: ощущаешь себя живым. И еще почему-то я вспомнил нашу близость сейчас. Когда я был сверху и взял твою ладонь в свою... Я входил в тебя, а ты сжимала мне ладонь. И это так возбуждало почему-то... хотелось еще и еще ближе... Вот твои слова – они как пожатия ладони. Мне и сейчас от тебя сладко. Ты сегодня так интересно стояла у метро! Тебя было четко видно. Сразу. Как будто все остальное размытое, а ты четкая. Стоишь и стоишь. И вот ровно в тот момент, когда мы встречаемся, мир вокруг преобразается. Он становится лучше различим – и при этом менее четким, расплывчатым. Такая вот конкретная расплывчатость. Когда он в тебя входит – и при этом ты его не видишь конкретно. И начинаются скворцы, и земля, и листики, и деревья, и железки, и воздух, и ты, ты, ты... Ты как фильтр, сквозь который вдруг все меняется и проявляется. Ты не сама так делаешь. Просто с тобой это происходит. Я испытываю что-то, не испытывавшееся раньше. И словами – не получается, их не хватает. Приходится расширять определение любви Рубинштейна^{**}: он – про активное утверждение уникальности другого, а я... про активное утверждение уникальности всего с тобой.

Играть в богиню было весело. Эту игру придумал Энки, хотя сам он всякий раз хлопает ресницами и утверждает, что это совсем не игра. Не получалось у меня до конца проникнуться своей высокой-глубокой природой, и я играла. Никак

мне было не справиться с этим осознанием, с этим воспоминанием без другого. Сама играла понарошку, стесняясь и посмеиваясь, а ему отдавала его божественность по-настоящему. Но как быть артистом в реальности? С ним все казалось настоящим: наша древняя мудрость, наша природа, наша сущность. Я баловалась в жизни и заигрывала с гекзаметром, пытаюсь сбалансировать наши проявления, дотянуть себя до него.

Спроси у Эос: «О, пурпурноперстая!

Ты осветила снова неизвестное,

Ответь, к чему явилось откровение:

Что делает богиня на земле твоей?»

Промолвит Эос: «Внемли откровению!

Богиня на земле сочится радостью,

Богиня на земле исходит ласками,

Несет в горстях, расплескивая весело,

Любви искристой свежие источники.

Любовью за любовь она цепляется,

Завихревая бури страстной нежности,

Миря пространства музыки аполлоновой

С пирами вакханалий дионисовых.

Богиня на земле лучится отсветом

Моей рассветной сонной безмятежности,

Ручьём речей, ладоней теплой плавностью

Течёт, и, тая, снова возрождается».

«Спроси себя, – продолжит Эос вольная, —

Каким путем ты сам допущен к царствию,
Крылатые гермесовы сандалии
Откуда на тебе, и как выходит, что
У Эроса ключи к дверям особенным
Ты добываешь с легкостью божественной?
Аэдов сказы, льющиеся стонами,
Рапсодов златолирые предания
Так гулко отзываются в тебе зачем,
За что внутри тебя они цепляются?»
Ты оглядишься, медленно расправившись,
В себе простор задора обнаруживший,
И, зазвучав раскатами могущества,
Спалив молниеносным взглядом темные
Болота гидры скользкого сомнения,
Харибды страха путанные омуты,
Промолвишь: богу на земле отрадно то,
Чем живы люди, чем текут столетия,
Что мир питает влагой благотворною,
Отвечает любовью – на любовь.

* Карл Роджерс – один из основателей гуманистической школы в психологии

Отлив

А потом мне стало тяжело. Да, я читала Холлиса^{*}, однако... Принять то, что Эрос настолько – катастрофически, патологически! – свободолюбив, мне удалось не сразу. А может, и не удалось до сих пор. И за то время, пока я пыталась это в себе уложить, он... размагнитился. Отмагнитился от меня. Ему не хотелось «оздоровления», «исцеления» – тем более о каком исцелении может идти речь, если учесть частое проявление моей собственной больной, зависимой части... Ему достаточно было колдовства и шалости. Причем уровень его любовной энергии как вырос, так и сошел впечатляюще резко.

Отлив...

Теперь на берегу влажно и прохладно, полно прекрасных раковин и камней, среди которых я нахожу и собираю в ларцы своего чувственного опыта особенно ценные. А в то время было тяжело, несмотря на Холлиса, психотерапию и вошедшего в мою жизнь Энки, который бережно принимал и охранял все мои секреты и переживания. Да что там – ведь это он нас и свел! Но плыть-то мне... И я немного захлебнулась. Даже тексты мои бывали странными: полупоэтическими, полупрозаическими.

Отстраненность называя свободой,

Он отпускает любую значимость, опасаясь своей зависимости и моей несвободы,

А откуда свобода – в опасении?

Неоткуда ей там взяться.

Погруженного в отстраненность

Хочется выудить собой,

Сделав шаг назад.

Встать перед ним, сесть напротив.

Смотреть прямо.

Дождаться.

Домагнитить.

Довлечь.

Выдюжив титанически, взять плотно в окружение

Душевной такой связи,

Любовной такой...

Пленить бессовестно

И до дома держать в луче своем,

До дома, до рассвета, до разрешения...

Схватить, прихватить,

Ухватить и покусывать

(Мне, мира проявлению, такое позволено),

Лечебно подтравливая

(В пространство уводя разнотравия)

И нежно обволакивая

*Покровами теплыми
(Успеет на свободе замерзнуться!)*

*А ведь зараза эта – отстраненность – и в меня проникла,
Иначе с чего бы мне говорить о тебе*

В третьем лице

И стесняться назвать?..

Я устраивала ему почти молчаливые – косвенные, намека-
тельные, насупленные – истерики про то, что он меня не хо-
чет видеть, ушел в свои расчеты, формулы, разработки и то-
му подобное. Я ревниво относилась не только к его женщи-
нам, но и к этим его увлечениям. И к его отдыху. И к его
жизни вне меня. Понятно, что «мы так не договаривались»:
таких синкретических типов, как протогонный космогони-
ческий Эрос, «разделить» на отношения не представляется
возможным. Его совино-свинцовые стрелы равнодушия на-
ряду с золотыми любовными мелькают вокруг и попадают
как в вас, так и в него самого... Завел как-то раз свою пес-
ню о том, что ведьма, видите ли, «сбывает» мир, а волшеб-
ница позволяет ему сбываться... Грош цена этому волшеб-
ничанию – в конце концов вспылела я, – если оно ни на что
не влияет! Твой волшебник – полный ноль!...

Я иногда скучаю по нашему соединению. По встрече.

Скучаю по Встрече.

Хочу заслушать. Засмотреть. Впитать искристое, живое,

явленное и ясное...

Чистоганом!

Из «ты есть, я хочу что-то... вместе с тобой, чтобы мы что-нибудь... вместе».

Потом тоска присоединяется, «помогает» с проекциями.

«Андрей-ты-меня-бросил» * .

«Ах-Ольга-ты-меня-не-любишь» ** .

«Ты-меня-больше-не-любишь-оно-меня-больше-не-гreet» *** .

И тогда – грустно.

А когда грустно – проявляюсь криво, публично, иногда вообще лобовой атакой.

Получаю... смертельный игнор.

Тошнотворный.

Ибо не фиг мне такой быть!

И это еще тошнотворнее.

Ибо не фиг лечить меня!..

И тогда наступает злость. На ней эмоциональная цепочка замыкается. Злость сублимируется: «удалю-гадостный-фейсбук», к примеру. Затем наступает пауза – точнее, всасывание в жизненный поток, отсрочка перед новым витком. А потом что-то – что угодно: внезапный весенний воздух в середине зимы, фото, упоминание – открывает потайной сосудик с соскученностью. Сосудик тяги.

И цикл начинается снова. Тихая радость, наполненность

образом, «Мемори» из «The cats», а чуть тронуть – а не трогать вовсе пока не получается! – осадок взбаламучивается, затемняет дурацким «наигрался», «разочаровался», «я не нужна»... Там обидно и немного страшно. И я вновь совершаю попытки проявиться косвенно или как-то хитренько. Страх отсутствия реакции, внутри этого отсутствия – приговор какой-то, а ну и угроза предполагаемой внутренней досады и неприязни: «вот приебалась, сцука, давно пора понять дуре, что ее не надо, перебор!» – и осаживаюсь: неужели я так о себе могу?! Это же я – о себе?! Как будто знаю, как будто – проницательная... Связано это с молчанием и не-движением мне навстречу или, напротив, молчанием глазируются, блокируются эти мои домыслы?... Как мне понять, не проверив?

А как проверить? Обратиться?

Я боюсь.

Я маленькая и бедненькая.

Очень счастливая и очень уязвимая.

Хрупкое счастье. Хрустальное. Звонкое.

Мне грустно. Меня как будто боятся, это страшно.

Опять осаживаю себя: позвольте, я сама так решила? Ну, что меня бояться? Такая я страшная – даже когда ведьмочка! – для Vlad-Blood, чудовищной вампирической княжеской лапочки?... Вот оно: оценка по себе, из своего сценария, стереотипа, суеверия. Разница между верой и суеверием в том, что второе – наносное, непрожитое, кольчуга, в мир-

ное время ставшая клеткой. Защищало – теперь ограничивает.

Надо ли что-то делать?...

Он обещал мне еще много взлетов, утешая и притормаживая меня уверениями, что все дело случая, что Встречи – они слУчайные. Рядом с выбором.

И... не выбрал, похоже.

Лет-то уж сколько прошло! А он радуется новым связям, о чем весело трещит в любимой социальной сети.

– Зачем он тебе?

Раньше я знала корыстную причину так называемой зависимости: свою состоятельность легче доказывать извне, *подтверждаться*, отражаясь в качественном зеркале. Это успокоилось почти, расплылось, песчинки забились кое-где, но галочка приоритета снялась: я точно есть, Я – Есть – со своей ценностью, уникальностью, контрастностью и поэтическим нервом. Оцениваемая или нет. Поверила!

И стала больше скучать и грустить. Светло и беспомощно. Не хочется оппонировать, хочется поддерживать диалог. И боязно от молчания. Морозно. Я не жалуясь, сказал пегасик Иа. Я в нежности невыданной.

Не выдала. Как передать, с какой оказией?..

Ракушку прячу. И нежность.

Такое бывает порой настроение. Находит – отливает...

Как-то утром подумала, что можно что-то сделать. Напи-

сала ему.

Вывод сделала такой: «Дурацкий бойкот!.. Мы на связи».

Обрадовалась.

«Радости тебе!

Радость всегда рядом.

Чутьочку на сердце.

Капелька на носу.

Щепотка в волосах.

Луч в глазах.

Оборачиваешься – и она уже внутри, закружилась и закружила тебя».

Спасибо ему за короткое пробуждение моей радости.

Короткое – потому как штаммов мне было недостаточно, недозаразил, а сама радоваться никак не научусь.

* философ и юнгианец Дж. Холлис много пишет о любви, как принятии Другого – к примеру, в своей работе «В поисках доброго волшебника»

** Фраза из фильма «Осенний марафон»

*** Владимир Ленский – своей возлюбленной Ольге Лариной, А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

**** какая-то Елена Терлеева поет это в попсовой песенке «Солнце»

Вайикра

Эол.

Элиана.

Эллиль.

Энки – Эа, Эйя!

Эрос.

Э. Э. Э. Э! – что значит в моей жизни эта буква-приблуда, это восклицательное междометие? Возможно, те имена, которые всплывают из глубины моей сущности, имеют эдакую пробуждающую природу, играют роль *проницаний*, курируют *озаренчество*...

Э! Эй! – Здесь я, мол.

И здесь – ты.

Тот, которому якобы никто не нужен.

Который как будто сам у себя.

Каждый.

Но главное – ты.

Тот, которого я почти оживила.

Почти...

Элиана

*Я делаю что-то не то,
Что принято.
Что – в струе.
Я думаю что-то не то,
Что думала.
Охуеть...
Течение порой бурное —
В вихре, в потоке, в пурге...
Выплеск – и, как щенку ему:
«Фу!»
«Нельзя!»
«К ноге!»...
Но мне не дано, как принято.
Щенка в уголке трясет,
А в параллельном мире-то,
Как прежде,
позволено
все.*

Когда я придумала себе имя...

Да я ли?

Эли – анна.

Два «н» написал сейчас господин Компьютерный Редактор. Исправил спустя двадцать пять лет после того, как моя

подопечная малышка, то ли не справившись с выговариванием имени «Элиана», то ли скомпоновав его в сознании с английским «nanny» (девочка была наполовину американской), стала называть меня «Нанна», и спустя несколько месяцев после того, как я узнала имя древней шумерской богини плодородия и любви Инанны.

Когда я придумала себе имя...

А когда я придумала себе имя? Или оно само меня придумало...

Эли. Элллиииии... Ше ло йигамер лаолам. Лама савафтани... азавтани... «Не дай закончиться воде-земле-молитве» и «почему оставил» – ах, род человеческий неугомонный, все с просьбами да жалобами! Кстати, почему – он? Может, Эли – она? Верховная древность Бааль – есть же у него хозяйшкa Баалат, она же – божественная *блядь*, «огонь, мерцающий в сосуде» * ?

«Вновь идешь над бездной погулять.

И какое божество рассудит,

кто ты: ох... тельная блядь,

иль огонь, мерцающий в сосуде?» —

ах, какие мой поэт пишет матерные стихи! Не «ах, какие они матерные» – хотя каждый раз немного вздрагиваешь перед погружением, это как на сцену выходить: сколько бы раз это не случилось, первый момент всегда в мурашках, – а ка-

кие... *ох... тельные.*

Вот, я это сказала.

Реабилитировала матерный дискурс, поддержав его идею: она о том, чтобы материться в позитив. Никаких унижений!

К примеру, так: «*под... бывать* – это проникать в твои сокровенности самым краешком *х...я*, дразня твои сокровенные миры», «буду тебя слегка *по... бывать*, нежно и ласково», «того, кто к тебе и так неровно дышит, *бл... ство* и бесстыдство заставляет дышать прерывистее».

Эли ана в семитских корнях может означать «Бог мой ответил». В настоящем – если прямо сейчас отвечает – «Эли онэ».

«Эли – Я! – На!», видимо, в языковой смеси может означать какую-нибудь божественную самоотдачу. В общем, как прочесть. Этимологические загадки увлекательны, приятно складывать свой собственный узор, используя разрозненные археологические кусочки мозаики. Блуд – blood – bladi – Бааль и Баалат. Обескровленные, выхолощенные, выселенные, застыженные с течением времени женские культы... Вот бы на Крит, к Великой Богине!

К ее... развалинам.

Меня в последнее время очень интересует всяческая мифология. Хочется то слетать на этот самый атлантидовый Крит, то перечитать Ефремова или детскую энциклопедию.

Мне бывает адресован выдох: «ты – богиня!».

И считается, что это не игра.

И я примеряю на себя образы Таис, Анаис, Айседоры, Эдны Миллей.

И это – моя игра.

Мне так много лет! В таком возрасте уже принято принимать.

Принято!

Принимать.

Я уже вполне могу позволить себе быть сколь угодно странной.

И это освобождает.

Древняя сущность внутри меня перестала пугать, стала покровительствовать.

Я себе покровительница.

Пора!

* афоризм о красоте Н. Заболоцкого из стихотворения «Некрасивая девочка».

Мифологически- тотемное. Леший и Белочка

– Зверь ты, Леший!

Так с довольной улыбкой сказала приколдованная настоящим хрустом Ведьмочка, вероломно заманенная им в малахитовую шкатулку замшелых стволов и мягко свисающих хвойных лап.

Или не сказала?

Но – с улыбкой. И глазки агатовые прикрыла при этом.

А он ей – взглядом, по-кошачьи желтым, сверкая:

– Ух! Я – первый, кто видит спящую белочку!..

Трофейное впечатление, да. Белочку до сих пор видели только активной.

Ну, ничего, у нее тоже есть трофей: открытие, что его гелиодоровые глаза не такие уж однозначно зеленые. Получаются такими, когда все вместе плавится, все эти ингредиенты разных колдовских веселых заморочек. А по сути-то явление сие, оказывается, желто-голубое.

Ну, и как же грызунам – с кошачьими? Интересная история получается! Рискованная, вроде. И тем интереснее. Ведьмочка глазки не открывает, а хвостом пушистым эдак приглашающе неспешно нет-нет да поведет.

И тут Леший приглашение использует: сгребает ее всю своими мягкими сильными лапами-лопатами:

– Иди сюда, Красная Шапочка. Для чего тебе такая нежная кожа?

Звучит так приглушенно, как будто зарычит сейчас. Или уже рычит, только не слышно среди такого напора лесной тишины. Или не рычит, а мурлычет от предвкушения.

Вкушения?..

– Э, нет, Леший. Ты меня сам покорми да спать уложи.

А про себя: разберемся, кто из нас больше хищник. Хвост-то у меня – не заметил? – рыжий. И твякаю знатно, тебе ли не знать. Берегись, радость моя! Берегись...

И меня береги.

– Да...

– Ой, я что, вслух сказала?...

– Нет...

– Только и знаешь, что «да» и «нет». Зверь ты, Леший!

Не сказала, наверное.

Много ли толку в словах, если всю сгребли. Прямо не белочка, а стог растрепанный.

Тантрическое. Мой Шива

«Шива» на иврите – «семеро», причем мужского рода (шив-а, с ударением на последний слог). Отсюда и пляшу... священную этно-пляску.

Не понимаю, как некоторые женщины с разными мужчинами встречаются.

Причем иногда одновременно. Не говоря уж об однополых отношениях. Все это для меня аномалия, нонсенс. Жаль мне их: конечно, приходится как-то вертеться, если *настоящий* не встретился.

Ой, вслух даже не хочется говорить: так сладко и томительно хранить свое – внутри, не расходуя на пересуды, мнения и зависть окружающих.

Вот и не говорю никому.

Только тебе! Ведь ты и есть мой лучший друг, мое второе «я», радость моя и щемящая грусть, восторги и нега, названный братик и духовный папочка – чего искать еще? Куда нестись сломя голову?

Ты! Разный, многогранный... калейдоскоп эмоций и мыслей, концентрат центров моих и периферий, звон сердечный, дзен-бдзынь-бадам, Шива-Ом —
всегда.

Помню – ладони помнят! – как меня при первом же слу-

чайном контакте поразила гладкость твоей кожи.

Какое счастье, что кожа – самый большой орган. Будешь смеяться: вычитала это в познавательной книжке по анатомии для дошкольников, раньше даже не относилась к ней, как к органу. Гладкий-сладкий, прохладный, отшлифованный кем-то до меня (спасибо работяжкам) чудесный орган. Вести по нему и вести – не наводишься. Ладоней не хватит, пальцев, щупальцев, отростков, разветвлений, фаланг, чтобы весь этот необозримый орган изучить, *истрогать*. Кое-где под пушистым покровом волосков скрывается, чаще – трогательно-беззащитный, как будто напоминает: как бы там под ним что не перекатывалось, не дрожало и не восставало грозно и гордо, в основном-то беречь его обладателя надо, утешать и тетешкать.

Ты вот часто говоришь, что у меня руки нежные. Что мои прикосновения волшебны. Что это *улет*. Что *караул*.

А как иначе-то, дитя мое?

Как с тобой по-другому, мальчик-неженка?

Нет, ну, если бы не с тобой... Если бы это относилось, скажем, к какому-нибудь брутальному пролу, пресноводному маглу или хрипатому шансонистому братку с «гжельской» росписью... Но я же уже сказала, что других не знаю и знать не желаю. А с тобой – только так.

Вот, а бугрится, значит, и дыбится в местах, где мужские мышцы позиционируют свою особенную мужскую прелесть.

Мужская прелесть – голубовато звучит? Плевать. Ты –

прелесть моя, хотя часто про меня саму так говоришь. А что, мы оба не можем быть прелестями? Тью! Мы же никому не будем об этом говорить, давай? Давай? Ты никогда не отказываешься подурачиться.

Так вот. Вот же!

Здесь, к примеру, всегда нереально красиво смотрится. И здесь – неземные рельефы. А там... о, эта наша сказка о слепом кротике – мы ведь ее никому не расскажем, да? Сами будем наслаждаться.

Я за всех наслажусь. Прелесть моя.

Кстати, когда ты мне так говоришь, я чувствую себя двухлетней куклой, наряженной в платьице, обшито к празднику мишурой по подолу. Не по чину мне, мамочке. А тебе – в самый раз! В тебе так много девичьего... Даже вот эта немислимая гладкость покровов. И некоторое жеманство в жестах.

И взгляд. Глаза со звездами, которых давно не видно, вот только свет откуда-то ведь лучится. Откуда, если не из этих звезд? Их, правда, в последнее время совсем, совсем не видно... Но я не скучаю. Потом скажу, почему. Про соскученность скажу и ее бесполезность, ты напomini.

Про эти глаза я пела – раз, стихи плела – два, а как под них немела в детстве, помнишь? А ты, гаденыш, видел и пользовался этим, пускал свои фирменные взгляды, как поражающие стрелы, откуда-то из-под ресниц.

Давно это было!

И сейчас есть.

В какой-то момент тебя якобы не стало, но на то ты и ты, чтобы издеваться над бедной, глупой от любви подругой, играть в разные игрушки, исполнять роли... Еще когда в школе учились, названивал мне по ночам, говорил на разные голоса от чужого имени. После, в разгар любовных откровений совершеннолетия, строил из себя в постели то Гамлета (как у тебя, дремучего троечника, получалось настолько точно стилизовать под Шекспира собственную речь?!), то мента, использовавшего меня, проститутку, для любовных утех, то человечка по имени Карь Марисюка – об этой детской игре вообще никому никогда не будем рассказывать, давай, давай? Был ем поросло. Хотя присюсюканная подружка Каря Марисюки, Масы Каритука, внутри той тетеньки, чьи пальчики сейчас тебя пощелкивают, еще иногда просыпается.

Спальня-стебальня.

Ролевые игры.

Я однажды разревелась: вдруг испугалась, что за этими персонажами мы забудем о том, кто мы *настоящие*. Ты так смеялся! Обнимался. Спасибо тебе, радость моя!

Недавно я говорила тебе, что не хочу даже употреблять местоимение «я» в обращении к тебе, мне это кажется каким-то пафосным, *выскачковым* ходом, хочется говорить именно о тебе, твоей самоотверженности, эмпатии, защите... Ты – защита моя от мира, когда он строит из себя страшного буку.

Или бабая – все зависит от того, на каком фольклоре воспитан гражданин этого мира.

И так есть с тех пор, как ты однажды лег сверху и накрыл меня всю, вобрав в себя с потрохами. Просто накрыл – и лежал так.

И стал защитой.

Инициировался, можно сказать.

И теперь, когда я прячусь на твоей груди – или за спину, или в карман, – я не просто за человека, пусть даже любимого, прячусь.

Я защиту ставлю.

Антивирус.

Ракушку.

«В домике» я.

...Да помню я! Ну и что, что была *в измененке!* За достоверность собственных ощущений, тем более проверенных временем, я отвечаю в любом состоянии.

В мыслях о тебе начинаю утраивать согласные. Типа, «обожжжаю». Или: «Люббббовь — страшная болезнь» – отголоском альтернативно-андеграундного рок-прошлого. Оттуда же – привычка использовать нарочито широкую артикуляцию при произношении гласных в словах «небааа», «тебяаа», «ко мнеээ!» – по-кинчевски.

Кстати, о звуковом фоне.

Сколько песен ты мне показывал, и так всегда к месту,

так сюрпризно...

Группа «Мираж» когда-то пела мне: *«Где я сегодня, я скучаю здесь одна»*. Тогда я была очень маленькая – я и сейчас, правда, небольшая, но старенькая немножко, а тогда была крошечной молодой – и знала, что такое скучать. Теперь забыла – ну, и спасибо.

Да минует всех нас знание такое.

Как можно скучать по тебе, не понимаю. Как я куртку целовала – фу, стыдно вспомнить! Как будто нет тебя совсем, куртка одна от тебя осталась. Чушь мутная. Даже не помню, как это возможно. Вспоминаю немножко ушами, когда поешь Кипеловым *«Все, как вчера, но без тебя»*... Как будто бывает без тебя. Действительно, грустно!

Сейчас ты со мной всегда.

Скажем, еду я от тебя домой – в себе везу. Даже расплескать не боюсь – настолько гармонично твое наложение. Магнитола включаю. По «Ах-ты-радио» звучишь-надрываешься: *«Хто ти є, ким би не була ти, я не здамся без бою»* – улыбаюсь: да сдался уже, но хочется тебе поиграть в украинского чубатого недотрогу с тремя восклицательными знаками в припеве – что ж, тем привлекательнее процесс капитуляции! Подпеваю громко, распугивая ночных пешеходов. Ты со мной. Нам – по барабану. Нам – по микрофону. Мы – два дурака влюбленных, амэн.

Или, положим, от тебя из дома выхожу. Поскользнулась, допустим. Или дочь верещит, в садик не хочет идти, упира-

ется. Или, типун мне на язык, ДПС на пути встает.

А я – «в домике»!

Ибо во мне еще не растаяла ночь твоих изгибов, собрания твоих мышц, сухожилий, подпитываемая то каплями клавиш Кейко Мацуи, то золотистым потоком майкло-френкового саксофона, и тепло наших *тамошних* выдохов греет *здешний* промерзший воздух.

И так всегда.

Даже когда не вчера, а давно.

Даже когда, может, и не было никогда – что такое, в конце концов, есть наша память, чтобы ей доверять безоговорочно? Возмутительно, до чего человек легковверен, да?

Вот возьмем, к примеру «Радио Ветра». Было или не было? С кем-то было, да не все, у кого-то мимо прошло, но так дотронулось... Со мной все оно было – и не сдуло его вовсе. Мне там поют сейчас про встречу с тобой, любимый мой, чудо мое светлое в летящем шарфике: «*Прямо навстречу мне выйдет доверчивый Маленький Принц*»... Строгий такой, серьезный, бережный. Вкусный, мятно-фруктовый, благоухающий свежестью космоса своего.

«*Still loving you!*» – оттуда же отвечают «Скорпы».

Наш диалог возможен на любой волне. *Виштыривает* особенно (твое новое слово, энергичное, его хочется повторять), когда, ничего не подозревая, в налоговую отправляюсь, поликлинику, на рынок, работу, бытую себе, в общем, заморачиваюсь, а тут – на тебе, «Ваше Радио» передает номер

по твоей заявке: «Я снова здесь, я слышу имя твое». Дескать, долго тебя не было. Смешной! Ну, ладно, сделаю вид, что соскучилась. Поплачу, поболую – ведь это так умилительно, когда грустно-печально! Гораздо неприятнее, когда страшно. Но это вообще не с тобой – значит, и не со мной, ведь мы всегда «ходим» вместе!

Еще про телесное взаимо-действие (секс называется, в переводе с английского – «пол», «интим») – но шепотом, на ушко, совсем вслух не буду: стесняюсь. Шифроваться приходится, кокетничать...

Не только люблю тебя.

Я еще и влюблена в тебя: то понарошку, то всамделишно, то по уши, то легко... Желаю, жажду, наполняюсь... Хожу мягко, как по маслу – а все потому, что в основании приспособлений для хождения у меня *секретно*.

Ты – мой секрет.

Для тебя – мой секрет. Тебе его!

И с ним все мягко, как по маслу.

Происходит все так: сначала – просто пульс. Потом – ритм. Остинатный, затем изменчивый, сложный, синкопированный. Возвращение к остинатному. Потом вдруг бац – ломка ритма! И, наконец, ломаный ритм. Да еще и со сменой метра. И ты сам не замечаешь, как становишься музыкой. Интересной, настоящей...

Ты владеешь ломаным ритмом.

Спасибо тебе, друг!

Так я завуалировала-задрапировала наше с тобой ночное шоу, что теперь спокойна за него.

Как же мне повезло с тобой! Что бы ты ни менял – цвет глаз, имя, рост, – ты – думающий, вот что! Сомневающийся, анализирующий, чувствительный – и посему ответственный за свою жизнь.

Да и за мою в придачу.

Мою в придачу дам.

В довесок.

А в остальном – меняйся на здоровье. Ненавижу преснятину! Культпросвет форевер мне подавай, анимацию, развлечения и праздник каждый день.

Вот это и есть ты.

То вдруг бороду отрастишь, то член, то живот – как мне нравилось твое большое твердое пузо, сейчас даже удивительно об этом вспоминать! Очень интересно, что мои предпочтения сменились именно в те годы, когда ты решил от него избавиться.

То ты «не танцуешь», капризничаешь – дескать, Мэтру Ритма, Тона и Метра не пристало в танцпол спускаться, – то водишь меня на пляски-тряски под тамтамы, всякие тарбуки и джамбе, под плоский связочный крик эбонитовых аборигенок какого-нибудь острова (у них обычно ребра выпирают, а груди обесценено болтаются у всех на виду, это совсем

не сексуально, как думаешь?).

Приемы владения у тебя тоже разные. Но мне все подходят. И от проникновения твоего правого языка в мое левое ухо, и от простого дуновения в глаз, и от твоего запредельно мягкого тембра мое тело бьется в конвульсиях одинаковой амплитуды.

Только трудно было сыну имя выбрать. Как-то не хотелось мне повторяться, называть сына твоим именем.

А других я не знаю...

Не понимаю, как некоторые женщины с разными мужчинами встречаются.

Энлиль и Инанна

Это был день под грифом «Портал в Будущее». В такое наступившее, сбывшееся будущее -такой великолепный, паузный и трансформирующий портал.

Шестое июня.

Дата как дата – просто помню зачем-то...

Коллекция гениев в моей жизни пополнилась! Зачем мне нужны гении, я потом пойму, через год-полтора. А тогда...

Написала живому философу, юному в свои много лет, абсолютному, неподражаемому, волшебному. Написала на-утро, после ночи волнения, предвкушения, стыда и страха, смелая и... жадная. Завоевательница!

– Вчера ко мне приезжал человек, который «на ты» с самим *тобой*. Он как будто принес тебя в мое пространство – как звездную пыль, или фантом, или саму Идею и вообще... витальность твою сумасшедшую. И я вспомнила, как после первой нашей полуночной переписки стих написала.

Ошарашенное «и где стих?» повлекло меня дальше.

Захотелось – ах ты, бл... дь! —

Привлекать и обаять,

Понавзучить цитат,

Выскрипеть пером трактат,

Сделать яркий маникюр,

Разучить скорей ноктюрн —
Сто пассажей, восемь рук —
Отжимаясь, как физрук,
Лет на десять похудеть,
Платье девичье надеть,
Стать красивой. И тогда,
И тогда,
И тогда...
И тогда, возможно, я
 Попрошусь к тебе в друзья.

Я сумею. Я смогу.
Репетировать бегу.

Это проще, чем ходить
Как я есть.
Глупой быть.
Лабиринтов не копать
И любить свои плюс пять.
От шальных бежать надежд,
Накупить больших одежд...
Да, надежд шальных – бежать!
Сладко спать и вдоволь жрать,
Полюбить свои плюс пять,
Восемь, десять...
Крепко спать,

*Бряцать «Замыкая круг» —
До мажор, почти без рук —
И писать стихи вот так,
Абы как.
Как пятак.*

*Не сумею.
Не смогу.
В мегакруть скорей сбегу.
Супер-мега-гипер-круть —
Суть.
Ведь помрешь, возможно, ты
Без великой красоты.
Утром гляну в интернет —
А твоей страницы
нет.*

Минут десять спустя пришел ответ, и стало ослепительно ясно, что... завязалось! Поймала трофей с первого же сообщения. «Жизнь прожита не зря!» – закружило очередное ощущение свалившегося на меня дара.

– Потрясающий стих. И другие тоже. Я посмотрел немного. Неожиданно, если честно. Пронзительно. Много. Многослобно. Думаю о том, насколько же мы друг друга не видим, даже если видим в глаза. И вот это доверие твоего решительного «ты»... Как-то немислимо дорого. Я же про тебя

на самом деле ровным счетом ничего не знаю – и тут вдруг этот ливневый поток стихов. Настоящих. И я в этом ливневом пространстве, оказывается, тоже избранно-помечен. Варежку открыл и глазами хлопаю. И мурашки по телу бегают: туда-сюда, туда-сюда. Тоже захотелось наманикюриться и тебя обнять. Заражает. Хочешь, встретимся и обнимемся?

Завязалось и отправилось, как-то получается иной раз взять – и соединиться налету. Это такое чудо... Не забыть бы! Поэтому и записываю. Люблю бюрократию: добыв нечто, фиксирую, размещаю. Чудеса понемногу укладываются, учатся держаться сами, сохранять вкус и без инвентаризации. Хотя, как говорит мой *ох... тельный* поэт, сильные чувства – самые дрова для поэзии. А поэзия – та же инвентаризация. Никуда от нее.

– Обняться... это здорово.

– ...И просто постоять, подышать. Прислушаться. Главное – прислушаться.

Я бы сказала – принюхаться. Он так интересно водит носом и вытягивает шею, как гончий пес...

– Только ты высокий для «постоять» со мной.

– Могу на колени встать.

– Меня на пенек поставить...

Смайлам в художественные тексты втискиваться не положено, в сообщениях же все ими рябило: радость с его стороны – чистоганом, смущенные скобочки с моей – передышками, попытками сгладить острое.

– Приезжай ко мне в парк! Здесь много пеньков. Я свободен что сегодня, что завтра. Я рад тебе. Есть возможность – приезжай. Сегодня день хороший для пеньков. А завтра можно будет и подольше...

«Я свободен» в тот раз не показалось чудом, хотя чем это еще могло быть? Я не понимала, что он буквально живет в самолете, курсируя между разными российскими, американскими, европейскими городами и весями, нигде подолгу не останавливаясь, нанося визиты по приглашению.

– ...У меня тут консультационная студия: арендую в университетской гостинице.

– Психосесии тоже там? Твоя Чужая Жизнь. Страшно и привлекательно...

– ...Суперский вид из окна. Парк на ладони. А за ним – вся Москва. При том, что сама гостиничка такая советски-задрипанная. Но место чудесное, с соловьями.

– Место моей первой... чего? Поцелуйности?.. Не любви же: первая случилась в детском саду.

– Ты – шквал. Это правда. Удивительно. И удивительно, как мне нравится разговаривать тобой *так*. Потому что слышу твою *настоящность*. Чувствование очень ярко отозвалось. Удивляюсь вот этому – вдруг и мгновенно случивше-

муся – открытию тебя. Видел просто девочку. А тут – такая офигительная хрень. Ух!!! Это я все от стихов не отойду. Кружусь и кружусь вокруг.

...И даже после поэтично запакованных технических договоренностей этот насыщенный событиями, трансформационными процессами, открытиями и раскрытиями разговор продолжился. До самой встречи мы не могли лишиться себя удовольствия *п... деть* (позже ознакомлюсь с его теорией реабилитации матерного дискурса: «*п... деть*» означает философствовать о сексе, о чувственном, беседовать чувственно – или «словоблудить»)

– ...Попала. Задела. Yes! Потешил мои сиренские настроения.

– Прямо-таки не могу устоять. И не хочу, что интересно. Пошел еще стихи читать. Мне нравится, как ты меня сиренишь. Твоя сиренность воистину сладкозвучна.

– Растопил...

– Могу же! Могууууууу!!!

– А были сомнения?!?!? Товаарищ психотерапевт...

– Поскольку я в принципе не живу целевым образом, у меня всегда есть место для искреннего изумления тем, что жизнь оказывается богаче того, что мы про нее предполагаем. Я словно принохиваюсь к тебе – и правда в том, что мне нравится твой запах. Если хочешь, мы как-нибудь сядем рядышком, и я буду читать *тебя* тебе вслух.

– Занятно. Пока не хотела, но это... занятно.

– «Пока» дарит надежду.

– Собеседнические маниаки мечтают не о простом человеческом физконтакте, а надеются вот на какое-нибудь такое «Наденька приехала, книжек привезла». Круть! Обожаю так.

– Слушай. С ума сойти. Хочу тебя поцеловать. Представляешь? Ну, ты сиренишь! Мне нравится.

– Есенина чуть не процитировала. Про кипяток сердечных струй. А для тебя «хотеть поцеловать» так странно? Ты неподатливый на женские провокации? Отзывается в... ох! В неподобающем месте.

– Еще пару часов назад ты была для меня почти что бестелесна. А теперь я уже проникаю губами в твое межножье. Это как? Я обалдеваю от скорости, с которой ты меня берешь. Забираешь в себя.

– Как сказать, чтобы не глупо... Скажу глупо, ладно?

– Давай уж глупо, что ли.

– Я ж не бешеная. Я не с тем к тебе, что у меня «хотелка» какая-нибудь. Просто ты один из немногочисленных *своих*, и я тебя люблю. И остальное вторично, правда. Я даже не уверена, что меня так вштырит при встрече, что пора будет сразу... горизонтально.

– Так я же слышу, слышу. Смеюсь! Я не про то, что будет потом, я про то, что сейчас. А сейчас ты вдруг вынырнула откуда-то – и вдруг за какое-то мгновение я ощутил себя в тебе, и это было круто. Важно не то, что будет, а то,

что уже случилось. А случилось то, за что я тебе безусловно благодарен. Вот это твое выныривание из ниоткуда – *собой*. И словно все «неположенные места» уже кем-то положены. Вот это-то и удивительно. А в точке удивления, как известно, рождается философия.

– Аааа... Я твоя Таис! Назначаю тебя своим Музом.

– Пост принял!

Дальше Энлиль (в следующем воплощении – Меркурий, ведь думала, что встретилась с инопланетянином, а оказалось – с планетой) погружается в мое литературное авторство на странице известного интернет-ресурса.

– Прочитал «Шиву». Весь в мурашках. Как же ты офигительно точна.

И через некоторое время:

– Господи, как же тебя много. В каждой точке много. Это я читаю стихи.

А потом – так:

– Просто ты очень сложная. Многомерная. Многозвучная. И не надо говорить, что все многомерны. У тебя в каждой строчке эта множественность. И при этом – целостность. И ключевая метафора «Шивы» в значительной мере про это. Ты про нечто сущностное и глубинное, которое проступает через множество внешних оболочек. Про подлинность и целостность себя, которая проступает и рождается сквозь эту множественность. Во всяком случае, это то, что слышится мне.

И как, что мне на это?.. Во-первых, изумило точное попадание в самый, можно сказать, сакральный среди множества текстов. Во-вторых... кому не приятно про себя – эдакое? Это было то, что нужно – но чего не ждала. И так будет впредь: при каждом контакте, виртуальном или очном, он будет давать мне нечто неожиданное, встраиваемое в то мое место, где ощущался дефицит. А в первом разговоре – слишком остро. Взять его дары трудно, отказаться – невозможно, и я, повиснув, болтаюсь в моменте.

– О, боги! Надо ж соответствовать, кошмар просто. Это очень знаково, что именно то самое прочел...

– Хохоочу про «надо же соответствовать».

– Хорошо, что я сонная, полудохлая после болезни, мне многое фиолетово, я поехала. Не буду одеваться красивенько и замазывать поверхности, маскироваться.

– Сонную, дохлую – буду обнимать долго-долго. Буду любить тебя, изъеденную неприкрытыми язвами.

– Можно меня даже не любить.

– Не любить – нельзя. Тогда какой смысл? Ты же меня любишь – сама пишешь. Вот и мне некуда деваться.

– Я могу спрятать...

– Дурочка. Ты уже есть. Все равно разоблачу. Чего-то просто тебя хочу. Вдруг и сразу. Но ты можешь не обращать на это внимания. Мне нравится это как фон.

– Я рада, что не повелась на твой намек тогда: ты не дол-

жен был стать моим терапевтом. Ты Друг. С терапевтом – табу. Целоваться и *хочу-тебя* даже как фон.

– Мне понравилось то, как ты пишешь про кожу.

– Эротизировался от моих словоблудий, да.

– Нет, ты знаешь, от текста про Шиву – нет. Он слишком острый и пронзительный. А вот от этой нашей словесной игры – да. Мне нравится твоя готовность дразнить и дразниться. И как будто комната наполняется твоими секретными запахами.

– Это отвратительно. Про комнаты наполнение (смайл, смайл...). Я же незнакомая! Чужая.

– Ты же сама написала, что я *свой*. И я почувствовал, что это правда.

– Да, наверное. Метафизически. А телу привыкнуть надо. Или хотя бы познакомить их, эти оболочки.

– Да тело, собственно говоря, и есть самая что ни на есть метафизика. Тогда, когда оно настоящее.

– Мое тело сейчас не готово к мужско-женскому свиданию.

– Не обращай на него внимания. Пусть живет своей жизнью. Доверься ему. Не готово – значит, ему виднее. Можем просто бродить по лесу. Я бы, пожалуй, хотел с тобой побродить. И даже, возможно, поблудать. Ты приедешь, и я буду смотреть на тебя с изумлением и какое-то время не узнавать ту, с кем все утро веду эту сумасшедшую переписку. Потому что это тоже всего лишь часть тебя.

Всего лишь часть тебя. Внутри меня это звучит еще раз – дилэем, эхом, ревербом, светом и грустью космоса.

Планета же!

И вот я, наконец, выхожу и отправляюсь в сторону метро, и бреду по улице, и... смеюсь! Дело в том, что мне привиделись собственные похороны. Такая печальная осенняя картинка: хмарь, хлябь и все сопутствующие материалы для скорби, мужчины в костюмчиках... и почему-то – Олег Басилашвили. Он меня очень рассмешил. Жизнь удалась! – в этом настроении пугаю счастливостью редких прохожих, иду по земле в ощущении собственных достойных – украшенных мужчинами, и даже Олегом Басилашвили! – похорон, и так смеюсь...

Окно и правда оказалось «на Москву».

А в душе не было горячей воды.

Стол был жестким, диван – коротким, пол – теплым, ибо ковровым, корешки книг – заманчивыми, речи – вкусными, и все это имело значение, как фон, обрамление странного человека. Мне того и надо: странного. Инопланетного. Не поддающегося типированию, анализу, не укладывающегося в рамки обыденной полусонной реальности, и оттого – катастрофически реального.

В завершении дня – усталые всплески этого стремительного законнекчивания, прерывистая свежая, новенькая, но какая-то не по-детски прочная связь:

– Вот это да... Ты хороший.

– ...Мне вот интересно, а стремление к сексу с инопланетянином можно отнести к разряду сексуальных перверсий?

– Рефлексия спит...

– Хотя бы часть тебя выспится.

– ...Думаешь, так прямо сладко засыпается после войны или секса с инопланетянином?

– Не думаю. Совсем не думаю.

– Разбаламученное тело, и внутри тела все стандарты расстандартизированы, и это не жалоба, ты хороший. Я очень хочу сейчас ничего не писать тебе. Иссякла речь.

– Пожалуйста, не пиши. Я падаю в сон.

Это был день-портал.

Я так подумала тогда.

А отныне каждый день с ним оказывается порталом. Еще бы: мне предназначено выдерживать странность планетарного масштаба. Планетарную странность. Хитрые тонкие улыбки настоящего мага. Не говоря уж эпитетами окружающих – всякими там «воздушный», «глубокий», «гениальный» и «потрясающий». Да, воздушный – «на журавля похож», сказал Энки. Но и на пса.

Псовый гончий журавль!

До сих пор мне иногда важно перепроверять, достаточно ли реален мой трофей, достаточно ли трофейна эта история, наши отношения. Подергивать его фотографиями, тек-

стами, эпатажными видео – реагирует ли? («Я всегда на тебя реагирую. И эрегирую»). Потрясывать его в надежде, что выпадет из пиджака что-нибудь типа любовного проводка (нет, говорит, у меня в твою сторону токов любви, и я этому рад; с любовью, дескать, у меня сложные отношения, и я ее не люблю – но иногда признается, что «чутьочку влюблен», или «любит ситуативно»). Моя проверка так неуместна, я знаю... Мы в соединении, и я называю это любовью, а он – радостью.

Он честнее и проще.

Гений же!

Мне снится мой псовый журавль, и всегда это связано с какими-нибудь садами, деревьями, огородами... Я рассказываю ему о сновидениях, как психоаналитику. Для интерпретаций.

Клиент: «В одном сне я пришла к тебе, и ты настойчиво увлекал меня в свои подводные сады, обещая показать „нечто по-настоящему голое“. И этим „нечтом“ оказалась фиолетовая русалочья девочка, и не русалка, потому что с ногами, и не девочка, потому что в теле, и пофигистически фиолетовая, потому что без напряжения, по-детски требовательная и капризная, игривая, как дельфинчик, и по-сиренски сиреневая, потому что увлекает...»

Терапевт: «...По-настоящему голое» – подлинное, настоящее в своей обнаженности. Абсолютно искреннее в приня-

тии своего тела, в принятии своих глубинных потребностей и импульсов – еще тех, подростковых. Когда ты – подросток, но у тебя нет страха перед своей телесностью и своей сексуальностью, когда ты не переживаешь, что это что-то неправильное и нарушающее общественные устои. «По-настоящему голое» равно «свободное в своей обнаженности».

Сам – снимаю роль терапевта: «Да, я бы, наверное, хотел поплавать с тобой в том аквариуме с сиреневой девочкой. Безо всяких обязательств перед социумом».

Всякий раз после Встречи (он говорит, что Встречи редки, даже когда люди встречаются, и даже когда *е... тся* – и все-таки какие прекрасные матерные стихи у моего поэта-реабилитолога! – когда встречаются *х... и п... да*, моменты Встречи остаются только моментами, ценными, уникальными) с меня слезает очередной слой невроза. Напряга. Стереотипа, суеверия, предрассудка, шаблона, стыда, недоверия. Я осталась *по-настоящему голой*. Как *по-настоящему голое* существо в подводных садах Меркурия. Я осталась – уязвимой, маленькой, очень сильной и очень счастливой, – я осталась. Я... успокоилась.

Встречетерапия.

Инотерапия.

Лингам Энлиля...

Бока Меркурия

Во льдах и зное,

*Тайной улыбкой
Гермес лучится...
Довольна фурия:
Забыла злое,
Нимфостью зыбкой
Теперь сочится.*

*Лингам Энлиля
Звучит кифарой,
Поющей чашей,
Музыкой ветра...
Нектар разлили
В резервуары
Томлений наших
По гекзаметрам...*

Гермес... О своем очередном лице Энлиль скажет: «Гермес – это воплощенный фаллос, способный связывать разные миры. Символ проникновения в новые, неизведанные пространства». Конечно, Гермес. Ведь ходит и проникает всегда в новые, неизведанные. Я бы сама не смогла свои пространства изведать, а уж связать наши миры...

Немного стыдно всякий раз... было.
Теперь – вообще какой-то беспредел.
То есть беспредел в том, что не стыдно.
Страшно теперь.

Очень страшно взять – и оценить. Оприходовать! Пусть бы лучше такой, поэтической и писательской бюрократией обойтись удалось... Ан нет-нет, да и вылетишь в быдломиф с плоским взглядом. Оценишь извне: что я делаю? Что он делает? Что мы делаем? Как это выглядит с точки зрения обыденной повседневности? А там уже толпятся в очереди готовые выскочить и расцарапать в кровь нежное мяско сердца быдлоформулы, которые и произносить-то страшно, потому как я все еще очень суеверна. Хотя Гермес мне недавно щелкнул на избавление (причем как-то смешно, одним своим длинным красивым пальцем, как одорукий аплодисмент – волшебник, ничего удивительного!), и позже убежала я за руку с Гором от суеверий под новогодними иллюминационными центральными арками, а все-таки надеть вслух – даже для избавления от суеверия, смирения ради, примерки – на волшебство и невыразимость какую-нибудь поговорку-поговорку из разряда «если сука не захочет – кобель не вскочит», «мужикам только одного и надо...», «слаба на передок» до сих пор как-то... ломотно. Извивает, перекашивает. Суть в том, что я не хочу оправдываться перед воображаемым собеседником, внутренним критиком и прочими фантомами. Ведь я *хочу* всего того, что происходит, я принимаю с радостью исполненные возможности танцевать с джазом импровизации без обычной драпировки (*по-настоящему*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.